

ТОЛСТОЙ В РУМЫНИИ

(1885 — 1960)

Обзор Татьяны Николеску (Бухарест)

I. НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ (1885 — 1917)

Впервые на своем родном языке румынский читатель познакомился с произведениями Толстого в середине 1880-х годов. Два последних десятилетия XIX и первое десятилетие XX в. принадлежат к поворотному периоду в развитии русско-румынских литературных отношений. Это было время, когда русская литература начала широко распространяться в стране, когда к ней с живым интересом стали обращаться не только представители верхов образованного общества, но и рядовой демократический читатель. «Русская литература, — писала газета „Secolul“, — стала проникать все глубже и глубже в народные массы». И газета объясняла это явление той «каждой идеала, которую возбуждают у читателя произведения русских писателей», той «любовью к ближнему», которая этим произведениям присуща. «Вот почему, — заключала газета, — мы можем только радоваться успеху<...> русской литературы в нашем обществе»¹.

Начало знакомства румынской общественности с Толстым совпало с тем временем, когда на Западе после недавнего громкого «открытия Толстого» с пристальным интересом следили за новейшим этапом в этических и социальных исканиях писателя. Толстой-мыслитель и проповедник на время как бы заслонил Толстого-художника и затмил его славу.

Это обстоятельство наложило определенный отпечаток на характер первоначального восприятия Толстого в Румынии. Обращаясь к Толстому, его первые румынские издатели, переводчики и критики, а вслед за ними, естественно, и читатели, обнаруживали интерес прежде всего к последним появившимся в печати произведениям писателя, о которых в то время так много шумела и русская и западноевропейская пресса. Восприятие творчества Толстого при его жизни, в текущем развитии и динамике этого творчества — одна из характерных черт процесса проникновения Толстого в Румынию, отличавшая судьбу его творчества от судьбы других русских писателей — Тургенева, Достоевского и др.

Знакомство с произведениями, а также с личностью и жизнью Толстого начинали с периода, следовавшего за его духовным кризисом 1880-х годов, минуя все предшествующие (были, разумеется, и исключения: первые переводы из Толстого на румынский язык все же включали и некоторые ранние его художественные произведения — «Три смерти», «Казаки», «Набег», «Семейное счастье»). И если во Франции и Германии, где Толстой стал известен значительно раньше, он завоевал симпатию и интерес читателей в первую очередь как автор «Войны и мира» и «Анны Карениной», то в Румынии произведения Толстого 1850—1870-х годов оставались вначале почти неизвестными, и все внимание сосредоточивалось на тех сочинениях,

которые в ту пору выходили из-под его пера. Отсюда тот широкий отклик, который получили в Румынии непосредственно по выходе их в свет «Крейцера соната» и «Воскресение» и, напротив, сравнительно позднее знакомство с «Войной и миром» и «Анной Карениной». «Романист Толстой не был современником нашего поколения. Нашим современником был социальный реформатор», — свидетельствовал известный критик Г. Ибразилян в статье, напечатанной в связи со смертью писателя².

Однако диалектика процесса привела к тому, что бурная полемика, возникавшая вокруг социальных и философско-этических теорий Толстого, пробудила интерес к его художественному творчеству. Об этом также свидетельствует Ибразилян: «Несомненно, — пишет он, — шум, поднятый вокруг реформатора и апостола, в высшей степени способствовал распространению того самого художественного творчества, от которого Толстой тогда отказывался»³.

* * *

Прослеживая историю проникновения в Румынию творчества Толстого, следует остановиться на роли, которую сыграла в этом процессе передовая румынская печать, в первую очередь рабочая или близко связанная с рабочим движением. Именно эта печать раньше, чем издания других направлений, обнаружила интерес к произведениям русского писателя и первой стала публиковать их на своих страницах. Самый ранний румынский перевод из Толстого — рассказ «Три смерти», появился в 1885 г. в журнале «Contemporanul», стоявшем на позициях защиты идейного искусства и связанном с румынским рабочим движением⁴.

В конце XIX и начале XX в. в румынской рабочей печати или близкой к ней был помещен ряд переводов сочинений Толстого. Среди них назовем рассказы: «Как я выучился ездить верхом» (из «Третьей русской книги для чтения»), «Пожар» (из «Первой русской книги для чтения»), «Чем люди живы», напечатанные в ежедневной газете румынской социал-демократической партии «Lumea Nouă»⁵, и рассказ «Косточка» (из «Первой русской книги для чтения»), появившийся в журнале «Munca Științifică și Literară»⁶. Переводы из Толстого появляются неоднократно и на страницах важнейшего издания румынской рабочей печати — газеты «România Muncitoare».

Здесь в 1911 г. был опубликован среди других сочинений перевод статьи «Номер газеты». В том же 1911 г. в литературном приложении (носившем название «Lumea Nouă») был напечатан очерк «Песни на деревне»⁷.

Многие из этих переводов были сделаны с русского подлинника, что, наряду с довольно бережным отношением к точности в передаче текста и стремлением воссоздать толстовский стиль, выгодно отличает эти переводы от других, распространявшихся тогда в Румынии.

Внимание к произведениям Толстого со стороны румынской рабочей печати и родственных ей изданий носит отнюдь не случайный характер. Общественные идеалы передовой русской литературы, величие ее гуманизма были близки чаяниям румынского народа, а обличения социальной несправедливости в произведениях русских писателей-реалистов выносили равным образом приговор и румынской действительности той эпохи⁸.

Не вызывает, разумеется, сомнения, что румынскую рабочую печать Толстой привлекал не своим религиозно-нравственным учением, а мощью критики существовавшей — в Румынии, как и в России, — социальной системы, критики капитализма и бедствий, причиняемых им массам. Неудивительно, что румынская печать, связанная с рабочим движением, стремилась популяризировать публицистику писателя, не всегда, однако, понимая, что верное в ней соседствовало с неверным, острейший социальный критицизм — с моралистическими увещаниями. Обращаясь к своим читателям

IDEEA TOLSTOIANĂ

În lupta binelui cu răul și către adevăr

REVISTĂ LITERARĂ

Director: Const. I. Arămescu

— Apare lunar —

Director Ad-tiv: Maior C. Crișan

Anul I

Nr. 1

Iunie
1928

Iunie
1928

РУМЫНСКИЙ ЖУРНАЛ «ИДЕА ТОЛСТОΙΑНĂ...» («ИДЕИ ТОЛСТОГО
В БОРЬБЕ ДОБРА СО ЗЛОМ, ЗА ПРАВДУ») 1928, № 1, ИЮНЬ

Обложка

Музей Толстого, Москва

с призывом знакомиться с сочинениями Толстого, газета «*România Muncitoare*» называла среди книг, «достойных быть в библиотеке каждого рабочего, жаждущего полезного чтения», сборник рассказов и повестей писателя, вышедший на румынском языке под названием «Революционеры»⁹. В другой раз та же газета советовала «всем любящим Прекрасное, Добро и Правду» воспользоваться днями отдыха и прочесть следующие произведения, «написанные величайшими представителями человечества: „Моя религия“ и „Вражда“ Толстого и „Капитал“ Карла Маркса»¹⁰.

Здесь примечательны не только рекомендации сочинений Толстого, но и упоминание их рядом с трудом Маркса.

Наряду с рабочей печатью, румынские издания других направлений также обращались вначале преимущественно к поздним сочинениям Толстого — 1880-х и последующих годов. Вниманию читателей предлагались, прежде всего, «народные рассказы» и повести Толстого, неоднократно печатавшиеся многими румынскими газетами и журналами. Так, например, «*Gazeta Transilvaniei*», выходившая в Брашове, поместила в 1889 г. переводы рассказов: «Вражье лепко, а божье крепко», «Чем люди живы», «Упустишь огонь — не потушишь», «Бог правду видит, да не скоро скажет», «Много ли человеку земли нужно?», «Свечка». Рассказы эти были изданы в 1892 г. в переводе Петра Петреску отдельным сборником, в который вошли дополнительно переведенные им же сказка «Два брата и золото» и рассказ «Кавказский пленник»¹¹.

В 1890 г. появляются первые переводы сказок «Зерно с куриное яйцо»¹², «Ильяс»¹³, а также новый перевод сказки «Два брата и золото». В 1892 г. эта последняя выходит еще в одном переводе¹⁴, а сказка «Ильяс» — в двух новых переводах¹⁵. В том же году печатается в прежнем переводе «Зерно с куриное яйцо»¹⁶. В 1893 г. эта же сказка печатается в двух разных переводах и выходит в новом переводе сказка «Упустишь огонь — не потушишь»¹⁷.

В 1894 г. появляются новый перевод рассказа «Чем люди живы»¹⁸, перепечатки «Кавказского пленника» и «Бог правду видит...» в переводах Петра Петреску¹⁹ и первый на румынском языке перевод рассказа «Три старца»²⁰.

В дальнейшем до конца столетия число переводов «народных рассказов» Толстого непрерывно растет. Появляются первые переводы рассказов: «Два старика»²¹, «Три притчи»²², «Сорок лет»²³, «Хрестник»²⁴, «Как чертенок краюшку выкупал»²⁵. Вместе с тем не прекращается издание и уже известных в Румынии произведений Толстого, выпускавшихся в свет как в перепечатках, так и в новых переводах. Например, рассказ «Чем люди живы», будучи переведенным в 1889 и 1894 гг. (см. выше), в 1895—1898 гг. появляется в различных переводах в четырех повременных органах и в двух отдельных изданиях, каждое также в новом переводе²⁶.

Пристальный интерес в Румынии к «народным рассказам» Толстого не ослабевает и в начале XX в., вплоть до 1917 г., явившегося неким рубежом не только для распространения произведений Толстого, но и всей русской литературы в Румынии.

Наряду с многочисленными публикациями в периодической печати, в эти годы выходят в свет несколько отдельных сборников произведений Толстого²⁷. Среди «народных рассказов» Толстого, впервые появившихся на румынском языке, можно указать: «Сказку об Иване дураке», «Труд, смерть и болезнь», «Праведный судья», «Ассирийский царь Ассархадон» и др.²⁸

В этом интенсивном распространении «народных рассказов» Толстого в Румынии особо выделяются две даты — 1908 и 1910 гг. — год восьмидесятилетия и год смерти писателя²⁹. Наиболее пристальное внимание вызывал рассказ «Много ли человеку земли нужно?» За период с 1902 по 1917 гг. он был напечатан семь раз³⁰.

Переводы «народных рассказов» появлялись не только в столичной печати, в таких органах как «Românul», «Universul», «Ероса» и т. д., но и в провинциальной. Их можно найти, например, на страницах «Gazeta Transilvaniei» (Брашов), «Tribuna» (Сибиу), «Doljul» (Крайова), «Evenimentul», «Opinia», «Jurnalul» (Яссы), «Dunărea de jos» (Галац) и т. д. Их печатали и политические газеты и литературные журналы («Noua Revistă Română», «Universul Literar», «Revista Literară», «Liga Literară», «Minerva Literară Ilustrată»). Их помещали в демократической печати («Facla», «Adevărul»), в газетах рабочего движения («România Muncitoare»), и в консервативных изданиях («Ероса», «Evenimentul»).

Естественно, что отношение к «народным рассказам» Толстого со стороны изданий разных общественных направлений не было единым. Если демократическая печать обращала в первую очередь внимание на обличительную силу толстовских произведений, то консервативная стремилась использовать их слабые стороны: учение о непротивлении, проповедь политической пассивности. При этом допускались и тенденциозные искажения толстовского текста.

Примером нарочито произвольного обращения с подлинником может служить перевод рассказа «Много ли человеку земли нужно?», напечатанный под названием «Крестьянин Пахом» в издававшейся с реакционно-охранительными целями газете для деревни³¹. Эта газета стремилась отвлечь крестьянские массы от решения наболевшего земельного вопроса. Исключив одни главы полностью и сократив другие, газета лишила рассказ критических элементов и тем извратила его смысл. В румынской переработке Пахом представлен бедным, безземельным крестьянином, отправляющимся в дальний край, чтобы осуществить свою заветную мечту о земле. Пахом умирает, не достигнув цели. Лишенный толстовского осуждения частной земельной собственности и порождаемой ею психологии стяжательства, рассказ подводил читателя к мысли о тщетности борьбы за землю.

Не менее тенденциозно истолкован тот же рассказ в консервативной ясской газете «Evenimentul», где он дан в кратком изложении, введенном (без заглавия) в текст статьи Ф. Ботошань «Воскресение». В подтверждение собственных размышлений о смысле жизни автор, ссылаясь на Толстого, стремится убедить читателя как «счастливы» бедняки и в особенности крестьяне, живущие на лоне природы, «на свежем воздухе», и как «несчастливы» богатые люди, которые, будучи вынужденными оставаться вдали от природы, «стареют в таком возрасте, когда рабочий еще полон жизни и сил»³².

Совсем иное звучание получил рассказ на страницах журнала «Revista Ideii»³³, выступавшего со смелой критикой устоев буржуазного общества. Рассказ был напечатан в конце 1906 г. — в преддверии массовых крестьянских выступлений 1907 г. — и не вызывает сомнения, что внимание редакции он привлек именно своим отрицанием права частной собственности на землю.

Не лишена известного интереса и переработка легенды «Как чертенок краешку выкупал», сделанная неким И. Ону в виде пьесы в стихах и выпущенная в свет в издании «Антиалкогольной библиотеки» в городке Тульче (1901)³⁴. Автор не только заменил в написанной им по мотивам Толстого пьесе все русские имена румынскими, но и включил в нее тексты румынских народных песен — «дойн», взяв их из широко известного сборника Василе Александри — «Poezii populare ale Românilor». Тексты эти были дополнены собственными стихами Ону — слабыми подражаниями фольклорным произведениям. Автор, несомненно, рассчитывал при помощи таких приемов привлечь к своей переработке интерес простых румынских людей. Однако же тот факт, что критическое звучание оригинала было

полностью снято в переработке, говорит об явной политической цели, которая этим преследовалась. В итоге от произведения Толстого остался один, да и то не совсем точно переданный сюжет.

Мы сказали, что, в отличие от других западноевропейских стран, романы «Война и мир» и «Анна Каренина» пропикли в Румынию со значительным запозданием, и отметили то пристальное внимание, с каким, начиная с середины 1880-х годов, здесь следили за всеми новыми сочинениями Толстого. Наибольший интерес, естественно, привлекли «Крейцера соната» и «Воскресение».

В судьбе «Крейцеровой сонаты» в Румынии бросается в глаза быстрота, с которой повесть была переведена и стала известна читателю. Уже в августе 1890 г. газета «*Românul*» поместила сообщение, впрочем не подтвердившееся, о существовании перевода, выполненного одним из сотрудников газеты «*Adevărul*»³⁵, а в конце того же года в газете «*Reforma*», выходившей в Крайове, появляется первый румынский перевод повести³⁶. Он был сделан с французского перевода Рони-старшего и И. Павловского (изд. Lemaire). Однако значение этой публикации сводится фактически лишь к хронологическому первенству, так как повесть дана в газете с большими купюрами, пропусками и сокращенно (обрывается на семнадцатой главе русского текста).

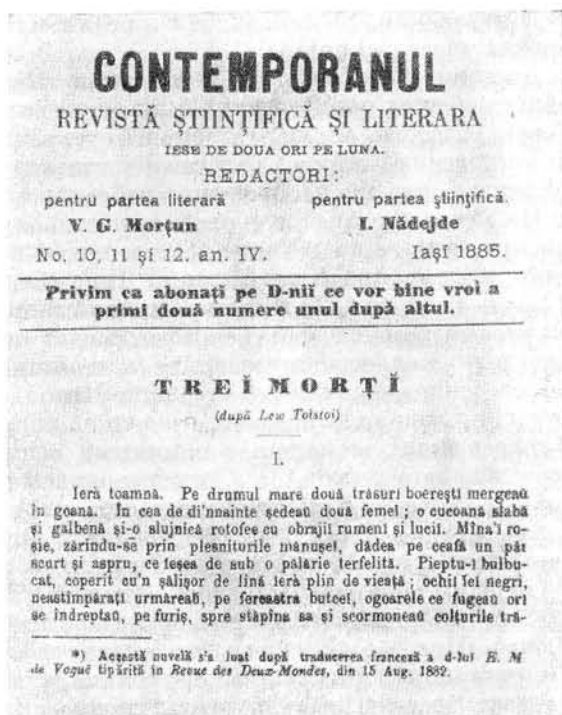
Полностью на румынском языке «Крейцера соната» вышла в свет в апреле 1891 г. отдельным изданием. В книгу вошло известное «Послесловие» Толстого к повести. Перевод был сделан Ю. Рошка не с русского, а с французского языка по упомянутому изданию Lemaire³⁷.

В 1892 г. провинциальная газета «*Independența*», «стремясь дать читателю шедевры величайших представителей литературы», начала печатать новый перевод «Крейцеровой сонаты»³⁸. Но газета прекратила свое существование на первом же номере. Полный перевод повести под заглавием «*Căsătorie*» («Брак») поместила в 1901 г. на своих страницах ясская газета «*Liberalul*»³⁹. А в 1908 г. в связи с восьмидесятилетием Толстого «Крейцера соната» вышла отдельным изданием в переводе Матильды Георгиу и с предисловием писателя Л. Дауша⁴⁰. Повесть была опубликована в массовой серии «Библиотеки для всех» («*Biblioteca pentru toți*»), и перевод этот получил широкое распространение; в 1928 г. он вышел пятым изданием.

Появление «Крейцеровой сонаты» на румынском языке было встречено с острым интересом общественностью страны и вызвало широкий отклик в печати. Газета «*Românul*» назвала повесть «одним из самых выдающихся произведений века» и рекомендовала всем прочитать ее⁴¹. «Эта книга, — говорилось в другом отзыве, — так на шумела и так потрясла господствующие классы великих держав, что в большинстве государств продажа ее запрещена. Даже весьма либеральные Соединенные Штаты Америки испугались ее идей и наложили на нее запрет. И в самом деле <...>, Толстой показывает нам так просто и так правдиво ложь современного брака, что читатель потрясен и испуган фальшью нашего общества»⁴².

Суждения критики о «Крейцеровой сонате» отличались большим разнообразием. Одним из первых откликнулся на повесть К. Доброджану-Геря, известный общественный деятель и литературный критик, стоявший на материалистических позициях, но впоследствии заплативший некоторую дань оппортунизму. В статье 1891 г. «Причины пессимизма в литературе и жизни»⁴³ Доброджану-Геря рассматривает пессимизм Позднышева как некую разновидность той «болезни века», которую отмечено и творчество отдельных французских писателей (Мюссе, например). Автор объясняет эту «болезнь века» социальными условиями, «аномалиями, неминуемо присущими буржуазному обществу. Именно «социальные условия», — утверждает он, — являются первопричиной семейной драмы. Доброджану-Геря вскрывает всю глубину критики Толстым буржуазного института брака, проблем

«ТРИ СМЕРТИ», ПЕРВОЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЕ ТОЛСТОГО,
ПЕРЕВЕДЕННОЕ
НА РУМЫНСКИЙ ЯЗЫК
«Contemporanul», 1885, № 1012
Страница первая

любви и половой этики. «Крейцеров соната», — заявляет он, — пользуется таким огромным успехом потому, что современный мир увидел в ней картину своей семейной жизни». Почти одновременно со статьей Доброджану-Геря была напечатана и статья литературоведа Г. Богдана-Дуйкэ. Отмечая «необыкновенный талант» русского писателя, «неустрасимость его мысли» и «чистоту проповедуемых идеалов», Дуйкэ не соглашается с морально-философскими положениями Толстого. Однако несмотря на желание румынского исследователя отмежеваться от социально-обличительных взглядов Толстого, он не смог избежать их влияния. В статьях о «Крейцеровой сонате» Дуйкэ, обычно чуждый оппозиционным настроениям, приходит к некоторым критическим выводам по отношению к буржуазной действительности. Он признает, что эта книга является суровым осуждением пороков, «преграждающих людям путь к счастью», и считает, что она поможет румынскому читателю «внимательнее отнестись к некоторым вопросам<...>, например, задуматься над воспитанием наших девушек, у которых в голове только мысли об успехе в обществе и развлечениях»⁴⁴.

В своих отзывах о «Крейцеровой сонате» румынская критика, и в особенности ее демократически настроенная часть, стремилась провести разграничительную черту между обличительным пафосом повести и ее проповедью аскетизма. Г. Ибраэляну, в те годы начинающий критик, сопоставляет семейную драму Позднышевых с семейной драмой, изображенной румынским писателем Влахуцэ в романе «Дан», и вскрывает родственные социальные корни обеих драм⁴⁵.

С годами, по мере того как сглаживалась острота новизны, споры вокруг парадоксальных выводов Толстого стали утихать. «Крейцерову сонату» начали рассматривать прежде всего с художественной точки зрения, стремясь извлечь из нее уроки глубокого и правдивого изображения жизни. «Повесть бесспорно отмечена высоким мастерством, нашедшим свое отражение в описаниях ревности и трагической сцене мести<...>, а также

в повествовании, полном жизни и реализма», — писала в 1910 г. трансильванская газета «Lupta»⁴⁵.

Достоинства «Крейцеровой сонаты» и «Воскресения» как замечательных реалистических произведений были подчеркнуты Г. Ибраилу в статье на смерть Толстого. «Если эти романы прекрасны, — писал он, — то этим они обязаны гению автора. Толстой настолько увлечен изображением реальной жизни, что это изображение победило все его теории»⁴⁷.

Не менее быстрый и живой отклик получило в румынской печати и «Воскресение». Еще в конце 1898 г. некоторые румынские журналы поместили информации о завершении Толстым работы над этим романом, а 18 марта (ст. ст.) 1899 г. бухарестская газета «Ероса» известила читателей, что «новый роман графа Толстого выйдет на днях на румынском языке в разделе фельетонов газеты» (напомним, что первые четыре главы «Воскресения» появились в журнале «Нива» 13/25 марта 1899 г.). «„Воскресение“, — говорилось далее, — один из прекраснейших, трогательнейших и полезнейших романов, написанных гениальным русским писателем. Публикуя этот роман <...>, мы выполняем обещание давать читателям достойную духовную пищу и знакомить их с наиболее ценным из того, что создавали и создают великие писатели мира»⁴⁸. Несколько дней спустя газета приступила к печатанию обещанного перевода романа.

Через неделю трансильванская газета «Tribuna» также оповестила читателей, что начинает печатать последнее произведение Толстого, и сообщила, что «Нива» с «Воскресением» стала расходиться в трехстах тысячах экземпляров и что первая глава романа уже в день выхода журнала была передана по телеграфу некоторым лондонским и нью-йоркским газетам⁴⁹. «Tribuna» перепечатывала дословно перевод, помещенный в «Ероса» (этот последний представлял собою перевод с французского Т. де Визе-ва, опубликованный в газете «Echo de Paris», а затем выпущенный отдельным изданием).

В связи с появлением романа в «Echo de Paris» французский литератор А. Сувербель писал на страницах прогрессивного журнала «Revue Blanche»: «Наверное Толстому показалась бы забавной та роль, которую брала на себя консервативная и националистическая газета, публикуя его произведения»*. Вероятно Толстому показалось бы еще «забавнее», если бы он знал, что роль популяризатора одного из его произведений наиболее резко выраженного обличительного характера взял на себя орган консервативной партии Румынии — газета «Ероса».

Румынская газета начала печатать роман, полностью с ним не ознакомившись, доверясь родственной по духу «Echo de Paris». Не исключено, что здесь играли роль и соображения коммерческого порядка. Как бы то ни было, напуганная толстовским изображением уродств современного социального строя, редакция газеты вскоре прекратила печатание романа. Оно оборвалось на девятой главе второй части.

Упомянутый А. Сувербель, указав в цитированной статье на ряд сокращений, допущенных в переводе Визева, вполне основательно усмотрел в этих пропусках попытку «весьма тенденциозной обработки текста Толстого». Те же купюры сделаны, разумеется, и в румынском переводе. Не довольствуясь ими, «Ероса» позволила себе и ряд других отступлений от оригинала. Часть глав в переводе полностью отсутствует, многие даны с большими сокращениями и искажениями. Ясное представление о характере вмешательства переводчика в толстовский текст дает, например, переделка, которой подверглась глава тридцать шестая. Выбросив отрывок с описанием суда над мальчиком, укравшим половики, переводчик закончил главу собственным текстом, преследовавшим явную цель — реабилитиро-

* Цит. по докторской диссертации Т. Л. Мотылевой. «Лев Толстой во французской литературе и критике», 1947. — Т. II.

вать царское правосудие. «Присяжные,— пишет он,— по настоянию Нехлюдова оправдали мальчика». Стремление румынской газеты лишить роман его критической силы находило объяснение в румынской действительности тех лет, в которой было много общего с русской. С точки зрения консервативных кругов, чьи интересы представляла «Ероса», толстовские социальные обличения были опасны для существовавшего «порядка вещей».

В 1900 г. «Воскресение» начало печататься на страницах другой консервативной газеты — «Evenimentul», выходившей в Яссах⁵⁰. Здесь толстовский текст подвергся еще более радикальной «чистке». Из романа было изъято все, что, по мнению редакции, могло вызвать нежелательные сопоставления с условиями жизни румынского народа. И все же, несмотря на такую «дистилляцию», редакция «Evenimentul», по примеру редакции «Ероса», не решилась или не захотела довести до конца публикацию романа. Печатание перевода прекратилось на четвертой главе первой части.

Таким образом, первые публикации «Воскресения» на румынском языке давали неполное, искаженное, тенденциозное представление о произведении и не могут быть названы переводами в собственном смысле слова.

Между тем румынская общественность продолжала проявлять все больший и больший интерес к роману, уже несколько раз переведенному на главные западноевропейские языки и вызвавшему повсюду шумные толки. Естественен поэтому тот теплый прием, который встретил вышедший в 1910 г. перевод, принадлежавший знатоку русского языка и русской литературы И. Дусчану, уже и ранее переводившему русских авторов⁵¹.

Дусчан перевел роман до конца, и перевод был сделан им с подлинника, хотя переводчик и обращался к тексту перевода Визева, о чем говорят некоторые явные совпадения румынского и французского изданий. Однако и в этом переводе есть сокращения и пропуски. Они коснулись, в основном, страниц, где подвергаются критике устои буржуазного общества и показываются картины ужасающей бедности русской деревни, словом, всего того, что могло бы вызвать ассоциации с румынской жизнью. Более терпимо, чем Визева, отнесся Дусчан к противоцерковным страницам «Воскресения». Объясняется это, вероятно, тем, что антиклерикальная критика воспринималась в Румынии более спокойно, чем в католических странах. В произведениях румынских писателей обличения церкви и духовенства встречаются в те годы довольно часто (ср., например, у Садовяну). Все же и Дусчан опустил в знаменитом описании обедни несколько абзацев, в которых в памфлетном тоне говорится о таинстве евхаристии.

Но критический смысл «Воскресения» не остался скрытым от прогрессивной румынской интеллигенции, ознакомившейся с романом по иностранным переводам, сделанным без купюр. «Назначение романа,— писал, например, критик *Б. Брэништяну*,— в осуждении ряда обычаев, общественных законов и государственных учреждений, иные из которых характерны лишь для России, иные же типичны для всего современного мира»⁵². Это же отмечает и критик *Х. Саниелевич*. Роман Толстого, по его словам, «широко охватывает не только жизнь русского народа во всей ее сложности», но и жизнь всего человечества, а композиционное единство книги «рождается из того, что все кажущиеся отступления приводят к одному заключению: к приговору над жизнью современного общества — бессмысленной и зверской»⁵³. «На четырехстах страницах романа,— писала газета «Dreptatea»,— разворачивается пестрый калейдоскоп жизни, который дает нам возможность увидеть множество сцен, рисующих потрясающие картины существования обездоленных, в противовес утонченной роскоши немногочисленного класса, в распоряжении которого находятся все земные блага»⁵⁴.

Подчеркивая гуманизм и правдивость творчества Толстого, критик *Родион (Штеерман)* говорил о том, что «„Воскресение“ тесно связано с действительностью», изображает «человеческие слабости и пороки»⁵⁵.

Сразу же по выходе в свет в России «Хозяина и работника»⁵⁶, «Смерти Ивана Ильича»⁵⁷, «Корнея Васильева», «Божеского и человеческого», «За что?»⁵⁸, «Песни на деревне»⁵⁹, «Три дня в деревне» они были переведены и изданы в Румынии⁶⁰.

В начале XX в. знакомство Румынии с творчеством Толстого укрепляется и расширяется. После подчеркнутого интереса к поздним произведениям Толстого, внимание румынских читателей обращается к сочинениям, написанным до духовного кризиса и нашедшим ранее широкое распространение на западе Европы. В эти годы впервые переводятся на румынский язык: «Детство»⁶¹, «Поликушка», «Холстомер»⁶², «Севастопольские рассказы»⁶³. Переиздаются в новых переводах «Набег»⁶⁴, «Казачьи»⁶⁵, «Семейное счастье»⁶⁶, появляются, хотя и несовершенные, переводы «Войны и мира» и «Анны Карениной».

Первая попытка перевести на румынский язык «Войну и мир» принадлежит Л. Ребряну. Будущий романист и один из виднейших представителей румынской прозы XX в. обратился к эпопее Толстого в 1909 г. — еще до начала самостоятельной творческой деятельности, но в очень важный для себя момент, когда он решил окончательно связать свою судьбу с литературой. Работа над переводом романа Толстого — значительный факт творческой биографии Ребряну. Она приобщила его в самом начале писательского пути к высшей школе художественного реализма и мастерства. Перевод Ребряну, предназначавшийся для массовой серии «Biblioteca pentru toti» («Библиотеки для всех»), охватывает первые две части романа. Ребряну не владел русским языком и переводил, по всей вероятности, с немецкого перевода.

В противоположность другим переводам из Толстого, сделанным Ребряну позднее (рассказы «Ильяс» — 1917 г. и «За что?» — 1919 г.), перевод «Войны и мира» страдает шероховатостями языка, в частности, обилием трансильванских диалектизмов. Вероятно, эти и другие недостатки перевода заставили издателей воздержаться от его напечатания, и работа осталась неоконченной. Однако было бы несправедливо умолчать о некоторых прекрасных страницах перевода Ребряну. В ряде мест молодому писателю удалось передать красоту оригинала, достигнуть выразительности, точности, образности языка, которые в дальнейшем станут характерными для его собственных произведений.

Вскоре был предпринят второй опыт перевода «Войны и мира». Автор перевода — публицист А. Корбул. Перевод был опубликован в 1911 г. в трансильванской газете «Tribuna» и в том же году издан отдельной книгой⁶⁷. Переводчик ограничился первыми двумя томами романа, но и в них допустил некоторые сокращения текста.

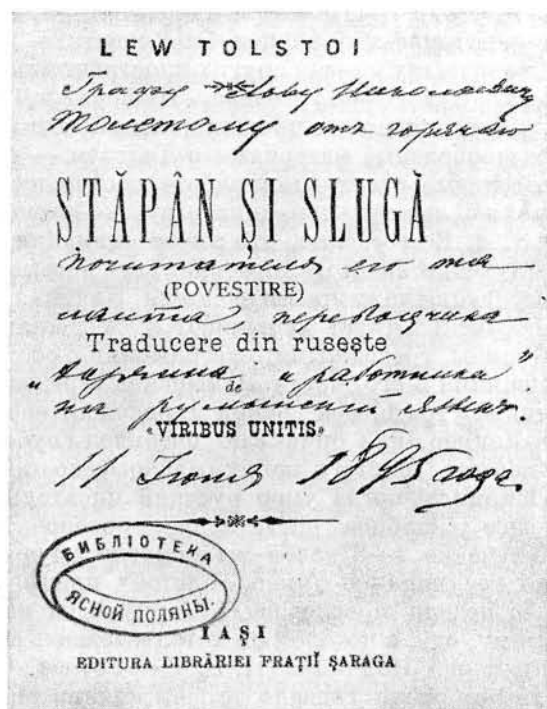
В 1918 г. роман выходит в новом переводе в виде двух книг с самостоятельными заглавиями: «Война и мир» и «Наполеон и Александр»⁶⁸. Следуя в коммерческих целях за худшими образцами некоторых французских изданий, переводчик Дж. Б. Рареш, можно сказать, искромсал Толстого. Он исключил из романа почти все историко-философские размышления, а также большинство описаний военных и политических событий, «сохранив» только основной каркас произведения, развитие сюжета и любовную интригу. Это привело к такому глубокому извращению творения Толстого, что перевод Рареша, в сущности, и не заслуживает названия перевода.

Одновременно с «Войной и миром» появляется в Румынии и первый перевод «Анны Карениной». Издание его было предпринято театральной газетой «Рафра». С конца 1911 г. эта газета начала выпускать на румынском языке в виде книг-приложений лучшие произведения мировой литературы. Серия открылась «Записками из мертвого дома» Достоевского, а затем была издана «Анна Каренина», переведенная Э. Дырзеу⁶⁹.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
ПЕРЕВОДЧИКА НА ПЕРВОМ
РУМЫНСКОМ ИЗДАНИИ РАССКА-
ЗА «ХОЗЯИН И РАБОТНИК»
(ЯССЫ, 1895):

«Графу Льву Николаевичу Толстому от
горячего почитателя его таланта, пере-
водчика „Хозяина и работника“ на
румынский язык. 11 июня 1895 года»

Личная библиотека Толстого. Музей-
усадьба «Ясная Поляна»

По словам газеты, выход в свет этого произведения был встречен с исключительным интересом. «Как и следовало ожидать, — писала «Рапра», — первый выпуск романа Льва Толстого „Анна Каренина“, вышедший вчера, имел огромный, еще небывалый на нашем книжном рынке успех. Менее чем за два часа столичными продавцами по заявкам, сделанным за неделю вперед, было продано около пяти тысяч экземпляров»⁷⁰.

Нужно отметить также публикации посмертно изданных сочинений писателя. В 1911—1912 гг. были переведены и выпущены в свет «После бала»⁷¹, «Отец Сергей»⁷², «Что я видел во сне»⁷³, «Нечаянно»⁷⁴ и отрывки из «Живого трупа»⁷⁵. Большой известностью пользовалась в Румынии и публицистика Толстого. Румынский читатель хорошо знал такие сочинения писателя, как «Что такое искусство?»⁷⁶, «Рабство нашего времени»⁷⁷, «Великий грех»⁷⁸, «Стыдно»⁷⁹, «Для чего люди одурманиваются?»⁸⁰, «Одумайтесь», «Ответ на определение синода»⁸¹ и др. Эти статьи Толстого не только переводились, но давались в извлечениях и различным образом использовались демократической общественностью Румынии для обличения буржуазной действительности. Неоднократно в прямых политических целях обращалась к публицистическим выступлениям Толстого рабочая печать. На ее страницах были помещены, в частности, переводы статьи «Номер газеты»⁸², отрывки из «Писем о голоде»⁸³, высказывания Толстого об искусстве, религии, милитаризме, государстве, войне и т. д.

* * *

Подлинные масштабы известности Толстого в Румынии конца XIX — начала XX в. не могут быть определены только на основании приведенных справок о количестве переводов толстовских сочинений, появившихся в это время. Необходимо познакомиться также с тем, что и как писала

румынская печать и критика о Толстом, интерес к которому в Румынии в рассматриваемый период был поистине огромен и превосходил интерес к творчеству многих других иностранных писателей, среди них и некоторых русских — Тургенева, Пушкина, Лермонтова и т. д.

В столичной и провинциальной печати широко публиковались самые разнообразные материалы о Толстом — писателе и человеке. Печатались рассказы о его жизни и работе, сообщалось о его творческих планах, помещались его высказывания о русско-японской войне, о революции 1905 г. и т. п. Естественно, что много внимания уделялось таким событиям, как отлучение Толстого от церкви, его восьмидесятилетний юбилей и особенно последним дням жизни писателя. Начиная со 2 ноября 1910 г., целые полосы румынских газет заполняются сведениями об уходе Толстого из Ясной Поляны, тревожными телеграммами о состоянии его здоровья, а затем сообщениями о его смерти. Румынская передовая общественность скорбела о великой утрате, понесенной мировой литературой и всем человечеством. Вот, например, как описывает очевидец глубокое впечатление, произведенное смертью Толстого на румынского поэта Панаита Черну: «Мы жили в Лейпциге, когда умер русский писатель. Я никогда не забуду потрясающее скорбное впечатление, которое произвела эта весть на Черну. В течение 2—3 часов мы не могли говорить ни о чем, так как ежеминутно восклицание „умер Толстой“ прерывало наше молчание. Более чем две недели преследовала Черну идея написать оду, посвященную Толстому, оду, в которой он хотел выразить свои чувства к великому учителю из Ясной Поляны». (Н. Р. Petrescu. Сб. «Consânzeana», 1913, p. 309).

Как было сказано выше, инициатором распространения сочинений Толстого в Румынии явилась рабочая печать. Она же одной из первых предоставила свои страницы и для критических статей о Толстом.

Так, уже в 1888 г. поэт *О. Карп*, принадлежавший к кружку журнала «Contemporanul», выступил с разбором «Анны Карениной». «Жизнь со своими заботами, со своей работой и размышлениями, проникновенно и вдумчиво проанализированная в самых сокровенных ее проявлениях <...>, развертывается в романе яснее и убедительнее, чем твое собственное бытие или бытие твоих друзей», — пишет он. Указывая на этическое значение творчества Толстого, чьи сочинения «вселяют добрые чувства», Карп не забывает подчеркивать и их эстетическую ценность и мастерство писателя. По его словам, «читая роман Толстого, понимаешь, что ты восхищен творением гения»⁸⁴.

Значительный интерес представляет появившаяся в 1892 г. большая, но оставшаяся незаконченной статья о Толстом известного румынского писателя-романиста *Д. Замфиреску*. Статья появилась в журнале «Convorbiri Literare», вокруг которого объединялась группа сторонников «чистого искусства» — «Junimea»⁸⁵. Однако пафосом статьи Замфиреску было преклонение перед мощью толстовского реализма, его «классической правдивостью». Хотя Замфиреску и не всегда правильно понимает Толстого, в особенности народность творчества русского писателя, благодаря убедительности, с которой он доказывает художественное и эстетическое превосходство реализма Толстого над западноевропейским натурализмом и декадентством, его статья сохранила актуальность и для наших дней. Свое преклонение перед Толстым румынский писатель выразил в следующих словах, отражающих не только его личную точку зрения, но и точку зрения лучших его современников: «Если бы XIX век подарил миру только Дарвина и Толстого, то и тогда он имел бы право называться „шагом вперед“ в истории человечества».

В 1908 г., по случаю восьмидесятилетия Толстого, Замфиреску посвящает ему статью, проникнутую еще большим восхищением перед «светлым гением, согревшим наши души»⁸⁶. В этой статье Замфиреску уделяет

главное внимание реализму и художественному мастерству Толстого. По его мнению, три черты отличают искусство русского романиста: главными он считает изображение жизни в ее «сущности», в ее «дыхании», так что «создается подлинное впечатление действительности». Кроме того, «широта композиции», охват жизни в ее разнообразных проявлениях, обилие человеческих типов способствуют созданию того «прекрасного зеркала жизни», каким являются романы русского писателя. Имя Толстого часто встречается и в переписке Замфиреску.

Румынская литературная жизнь конца XIX и начала XX в. отмечена острой борьбой за реалистическое, идейное — «тенденциозное», как тогда говорили, искусство, против распространявшихся упадочных течений, выдвигавших лозунг «чистого искусства». В этой борьбе сторонники «тенденциозного» искусства часто прибегали к опыту великих национальных литератур Запада и России, ссылаясь на лучших представителей этих литератур. В качестве примера «классического» изображения правды жизни в искусстве среди других русских писателей на первое место выдвигалось имя Толстого. «Как полезно было бы для нашего литературного развития, — писал в 1894 г. на страницах рабочей газеты „Lumea Nouă“ К. Доброджану-Геря, — если бы у нас были правильно и хорошим румынским языком переведены главные произведения Бальзака, Стендаля, Диккенса, Толстого, Тургенева, Достоевского! Какое огромное влияние это могло бы оказать на художественный уровень литературы, на воспитание вкуса читающей публики»⁸⁷.

В основных свои статьях — таких, как «Критика критики» (1887), «Писатели-граждане» (1894), «Литературный вопрос» (1895)⁸⁸, Доброджану-Геря говорит о характерном для всей передовой русской литературы, и для Толстого в частности, гуманизме — глубокой любви к человеку, защите обездоленных, о ее стремлении к высокому общественному идеалу. Вместе с тем он отмечает обличительный, критический пафос произведений Толстого. «Принадлежа сам к высшей аристократии, Толстой борется против нее и против всех нетрудовых слоев общества», — пишет он в статье «Писатели-граждане». «Власть тьмы» он называет «самым гениальным», но в то же время и «самым пессимистическим из всех существующих произведений о деревне»⁸⁹. Особенно энергично подчеркивает Доброджану-Геря глубину и силу толстовского реализма, мастерство и правдивость русского писателя в изображении жизни. «После того как вы прочли роман, закрыли книгу, вы чувствуете огромное удовлетворение, вы чувствуете, что нет ничего лишнего, все незначительные подробности направлены к одной единой и конечной цели: созданию впечатления подлинной жизни...», — пишет он в статье «Пролетарские писатели»⁹⁰.

Передовая румынская критика и печать выражали неоднократно свое восхищение высоким мастерством Толстого-романиста. Наряду с этим, воспоминания на страницах печати, близкой к рабочему движению, высказывались и критические мнения о его философии непротivления злу и самосовершенствования. Высоко ценя Толстого как великого художника-реалиста и обличителя буржуазного общества, эта печать выступала против его философских воззрений. Об этом говорит, например, статья поэта Ш. Петикэ в газете «Lumea Nouă». Называя учение Толстого «самообманом», Петикэ, в отличие от многих западноевропейских критиков, со всей решительностью утверждает, что философ в Толстом уступает художнику. Автор останавливается на гуманизме и литературном мастерстве Толстого: «Вряд ли, — говорит он, — найдется среди других гениальных писателей хотя бы один, чье искусство поднялось бы до такой высоты и смогло бы так увлекать силой чувства, как искусство Толстого»⁹¹.

Точку зрения румынской рабочей печати на творчество Толстого с еще большей ясностью выявляет статья А. Костина в газете «*România Muncitoare*», посвященная восьмидесятилетию писателя. Отмежевываясь от религиозно-философских взглядов Толстого, так как они «не совпадают с нашей точкой зрения», автор с подлинным уважением говорит о Толстом-писателе, усматривая главную его заслугу в том, что «он глубоко любит народ <...>, стремится пробудить его ото сна, вывести из темноты», что в своих произведениях он выражает «протест русского народа против неслыханного угнетения и насилий со стороны жестокого тиранического режима самодержавной власти...». Несмотря на все различие между учением Толстого и марксизмом, идеи Толстого, по мнению критика, «принесли несомненную пользу русскому народу»⁹².

Стремлением показать, что именно близко рабочему движению в творчестве Толстого, проникнута и статья, которой та же газета откликнулась на смерть писателя. «Может показаться странным, — говорится в статье, — что мы, социалистическая газета, помещаем некролог и даже с восхищением отзываемся о писателе и философе, с которым у нас нет никакого идейного родства». Указывая далее, что социализм «усваивает все самое лучшее, благородное и прекрасное, что было создано человечеством в течение веков», статья называет Толстого революционером. В подтверждение такого взгляда на объективное значение творчества Толстого газета отмечает его гуманизм, «сочувствие к прекрасному, но несчастному русскому народу, страдающему под гнетом царизма», и ссылается как на «главную заслугу» писателя на то, что он так убедительно и с таким искусством показал и «заклеймил пороки общества, в котором жил». «Он вынес, — говорится в заключение статьи, — приговор всем преступлениям, которые были совершены ничтожным пигмеем, петербургским тираном. За это Толстого чтит русский народ и уважают даже самые крайние революционеры»⁹³.

Объективную оценку творчества Толстого в свете идеалов румынского пролетариата дает и статья, напечатанная в 1912 г. в «*Calendarul Muncii*», как отклик, правда, несколько запоздалый, на смерть писателя. Отвергая «наивные», «детские» способы, предлагаемые Толстым для изменения существующих общественных порядков, статья отмечает острую критическую направленность, обличительный пафос его произведений и подчеркивает значение творчества русского писателя для пролетариата всех стран. Автор пишет: «Миллионы людей, которых Толстой <...> убедил в том, что современное общество устроено несправедливо<...>, пришли к выводу, после того как он открыл им глаза, что только социализм ведет к их освобождению<...> Вот почему рабочие-социалисты будут всегда с уважением вспоминать Толстого<...>, как одного из великих борцов за счастье человечества»⁹⁴.

С не менее пристальным и сочувственным вниманием воспринимается в те же годы творчество Толстого всеми виднейшими передовыми деятелями румынской культуры. С интересной статьей выступает в 1908 г. на страницах «*Viața Românească*» (под псевдонимом Константин Шэркэляну) публицист К. Стере. Он приветствует в Толстом представителя «передового, идейного искусства», называет его «творцом», «создателем целого мира» (C. Șărcăleanu. Contele L. N. Tolstoi. VR, 1908, № 9, sept., p. 385—402).

Известный критик Г. Ибръиляну, на статьи которого мы уже ссылались, посвящает автору «Войны и мира» много страниц, свидетельствующих о глубоком понимании им толстовского реализма.

В ноябре 1910 г. Ибръиляну писал: «Кто интересуется нас больше всего, кто принадлежит нам столько же, сколько России, и кто принадлежит всему миру — это великий романист, который написал „Войну и мир“ и „Анну

СТАТЬЯ РУМЫНСКОГО ПИСА-
ТЕЛЯ ДУЛИУ ЗАМФИРЕСКУ
О ТОЛСТОМ

«Convorbiri literare», 1892, № 4,
1 августа

Страница первая

«Если бы XIX век подарил миру
только Дарвина и Толстого, то и
тогда он имел бы право называться
„шагом вперед“ в истории чело-
вечества» (Д. Замфиреску)

Apare la întâi a fuzării luni

CONVORBIRI LITERARE

№. 4. București, 1 August 1892. Anul XXVI.

LEON TOLSTOI

I. — *Rasă latină, rasă slavă și rasă anglo-saxonă.*

În vara anului 1890 m^{eu} afluam în Italia, într-o localitate din Toscana numită Orvieto, unde trăiam cu seninătatea sufletească a unui om care nu dorește nimic. Lipsit de orice fel de durere, deschideam ochi mari și priveam pe sub umbra castanilor uriași pe culme, valea pășunii *Paglia*; villele springene pe coastă; zidurile crenelate ale orașului; domul de Orvieto, cel mai limpede monument gotic italian; — apoi, mai departe, liniile Apenninilor, fugind spre Perugia cu o așa de evidentă regulă de perspectivă, că păreau o lecție de desen; în fine, mai departe, și mai departe — vîrduhul străvezii.

Noaptea, vîile se muiau în amurg; amurgul se întunecea; focuri se aprindeau pe muchile dealurilor, arzînd miristea de grâu; mii de lucioli scînteietoare scăpărau zigzaguri de lumină argintie, ca și cum ar fi avut sub aripi raze de lună. În cele din urmă firea adormea întreagă. Atunci împărăția stelelor era desevărsită. În haos izvorea, din depărtări amețitoare, nemărginite priviri de steluțe șoase, licăriri furise, focuri de diamante, stele mari și planete. Calca robilor, ca o punte diafană, se rezima pe marginile închipuie ale orizontului, îmbucînd în cutele sale constelațiunea Lebedei; Joe strălucea ca o tainică făgăduință de bine.

Cînd stelele cad în vîile necunoscute ale firmamentului, tresări. O mișcare reflexă a conștiinței îți descoperă o

C. L. An. XXVI, № 4. — 1794

Каренину». Критик подвергает тщательному анализу художественную ткань этих романов и раскрывает их значение прежде всего как реалистических произведений. «У Толстого, — пишет Ибраилану, — одно глубокое наблюдение следует за другим», причем подобных наблюдений «до него еще никто не делал». «Читая Толстого, все время так и хочется воскликнуть „правильно!“ всякий раз, когда речь идет о чувствах, которые ты уже пережил, или „так должно быть, иначе невозможно!“, если речь идет о вещах, с которыми ты еще не имел случая познакомиться. Кто не испытывал восхищения, потрясенный необъятной картиной жизни, изображенной в „Войне и мире“, или тонким, день за днем, раскрытием души несчастной Анны Карениной!.. Потомство, которое, возможно, и забудет апостола, никогда не перестанет восхищаться тем, кто описал муки Анны, смерть Андрея и божественную простоту наивного Каратаева...»⁹⁵

Но чтобы до конца понять, что означал Толстой для прогрессивных румынских писателей конца XIX и начала XX в., нужно прочесть взволнованную, задушевную и глубоко лирическую статью, в которой Михаил Садовяну прощался в 1910 г. со своим «идеальным другом»^{*}.

Если бы составить сборник высказываний румынских писателей о Толстом, то в нем, кроме названных, оказались бы и другие широко

^{*} Эта статья Садовяну печатается полностью в кн. 1-й настоящ. тома и поэтому здесь не цитируется. — *Ред.*

известные в те годы имена, такие как: *И.-Л. Караджале, А. Влахуцэ, В. Эфтимииу, П. Черна, Э. Гэрляну*, а также имена тогда только начинавших писателей, ставших видными представителями румынской литературы уже в годы после первой мировой войны: *Ч. Петреску, Л. Ребряну* и т. д.

Все они единодушны не только в выражении восхищения перед русским писателем, но и в признании значения, которое имело для каждого из них знакомство с глубоко реалистическими произведениями Толстого.

«Толстой отчасти разрушил мое беспредельное обожание Бальзака и научил меня искусству раскрывать образы постепенно, в связи с развитием действия, а не давать их статично<...>, слишком последовательными, почти геометрически построенными», — вспоминает о начале своего писательского пути *Ч. Петреску*⁹⁶.

«Этот благородный защитник правды был великим другом народа. Благодаря правде, которую он говорил, а в особенности благодаря тому, что он говорил ее открыто и спокойно, он являлся властителем своего народа больше, чем какой-либо из монархов», — писал *А. Влахуцэ*⁹⁷.

Отголоски знакомства с произведениями великого русского классика можно проследить в творчестве некоторых румынских писателей конца XIX и начала XX в. Румынская критика уже отмечала (см. *M. Dragomirescu* — «Convorbiri critice», 1908, № 14, 15.IX, p. 545), что уроки автора «Войны и мира» сказались на создании первого румынского романа-эпопеи «Комынештены» *Д. Замфиреску*. В этой эпопее, представляющей собою цикл из пяти романов, Замфиреску стремился дать многоплановую картину румынской жизни и пытался применить (правда, не всегда удачно) толстовский композиционный метод создания широких полотен. Опыт Толстого нашел отражение и в приемах портретизации, применяемых Замфиреску, в использовании внутреннего монолога для изображения душевного переживания героя, пейзажа — для раскрытия характера, и т. д. Можно провести некоторые сопоставления и в идейном содержании эпопеи. Так, например, следовало бы указать на родственность проблем, затронутых в романе «Жизнь в деревне» — первом из цикла «Комынештенов», с проблемами, затронутыми в «Анне Карениной». Как и Толстой, Замфиреску останавливается на классовых взаимоотношениях в капиталистическом обществе, в особенности на взаимоотношениях между помещиками и крестьянами, выступает в защиту патриархального уклада жизни и осуждает капиталистические формы жизни и цивилизации. По признанию Замфиреску, знакомство с произведениями Толстого помогло ему показать в романе «Жизнь в деревне» образы крестьян, «однообразную, но светлую жизнь пахаря». Румынский писатель воспринял от Толстого идею нравственной чистоты, духовного превосходства человека из народа над представителями имущих классов.

В другом романе из цикла «Комынештенов» — «На войне» Замфиреску изобразил события войны 1877—1878 гг., в которой румынский народ, выступая в союзе с русским против Турции, завоевал свою независимость. Различия в исторической концепции, в оценке роли народа в освободительной войне, привели автора к ряду выводов, отличных от толстовских. Не признавая значения народа в развитии исторических событий, Замфиреску уделяет главное внимание отдельным личностям, описывает в первую очередь судьбу на войне героев, останавливается на роли представителей господствующих классов, руководителей. Солдатская же масса предстает у него безликой. Но в свободных зарисовках батальных сцен, в описании картин войны, полных движения, в естественном и широком развертывании событий, схваченных во всей их динамике, он следовал примеру создателя «Войны и мира».

Толстовские приемы изображения войны были использованы и М. Садовяну в «Военных рассказах» *.

Оценкам Толстого, принадлежащим передовым представителям румынской культуры, противостоят высказывания той части критики, которая не принимала толстовского протеста против коренных устоев жизни господствующих классов и стремилась ослабить силу социальных обличений писателя. Используя противоречия мировоззрения Толстого, односторонне и тенденциозно подчеркивая его роль как моралиста, проповедника учения о непротавлении злу насилем, эта критика по большей части избегала говорить о нем как о великом писателе-реалисте. Вот что писал, например, протестуя против реализма, его «грубых выдумок», его «вульгарности» и приветствуя зарождение нового «идеалистического направления в литературе», один из идеологов консервативной партии *Н. Филипеску*: «Куда ни посмотришь, в области ли философии, социальных наук, или искусства, всюду дороги ведут к единой центральной точке пересечения: к религии <...> Вот и звезда современной литературы, певец философского нигилизма великий Толстой отказывается от своей славы и прежних убеждений, отказывается от литературы и становится апостолом Евангелия <...>, переходит на сторону новой школы»⁹⁸. А либеральная газета «*Viitorul*» утверждала: «Толстой велик в первую очередь как апостол или основоположник новой веры», книги же его «полежат еще некоторое время на прилавках магазинов, наследники заработают еще немного денег<...>, а затем все кончится!»⁹⁹

Однако все попытки поставить творчество Толстого на службу реакционным целям или дискредитировать его как художника были тщетны. К приведенным и аналогичным им высказываниям буржуазной печати Румынии полностью применимы слова Ленина: «Это — ложь, которую сознательно распространяют либералы, желающие использовать противореволюционную сторону учения Толстого»¹⁰⁰.

* * *

Ознакомлению в Румынии с творчеством Толстого способствовали и различные театры страны, на сцене которых были представлены некоторые драматические произведения писателя, а также инсценировки его крупнейших прозаических сочинений.

Из драматических произведений Толстого до 1917 г. на румынской сцене были показаны только «Власть тьмы» (1903 г.) и «Живой труп» (1912 г.). Обе пьесы шли в яском Национальном театре.

Большее внимание было уделено инсценировкам, сделанным по романам Толстого. В 1908 г. французская труппа во главе с Сюзанной Депре ставила в Бухаресте и Яссах «Крейцерову сонату» (обработка для сцены А. Савуара и Ф. Нозьера). В связи со смертью Толстого яский Национальный театр показал «Анну Каренину» (в инсценировке Э. Гиро) с известными артистами А. Прутяну и С. Драгомиром в главных ролях. Пьеса шла с успехом в 1911 и 1912 гг., в 1914 г. она вызывает огромный интерес и у бухарестских зрителей, которым была показана на сцене театра Войкулеску-Буландра в исполнении таких выдающихся артистов, как Лучиа Стурза Буландра, И. Манолеску и Тони Буландра. В 1915 г. почти одновременно в Яссах и Бухаресте было поставлено «Воскресение» (инсценировка А. Батайля). Благодаря исключительному мастерству исполнения роли Катюши Масловой артистками Мариорой Войкулеску (в Бухаресте) и Аглаей Прутяну (в Яссах) пьеса, несмотря на недостатки инсценировки, имела шумный успех.

* Об этом см. на стр. 115—116 кн. 1-й настоящ. тома.

II. «МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ»

(1917 — 1944)

Период после Великой Октябрьской социалистической революции до 1944 г. — так называемая эпоха «между двумя войнами» — был весьма трудным временем для румынской культуры вообще, и для ее связей с советской культурой в особенности.

Реакционная политика правых, а подконец и открыто фашистских правительств, вражда к первому пролетарскому государству отразились и на русско-румынских литературных отношениях. В румынской литературе все громче заявляют о себе декадентские течения и формалистические группировки. Они ведут наступление на реалистическое искусство и борются против влияния русской, а еще более советской литературы.

Процесс распространения русской литературы в Румынии идет в эти годы на убыль, а подчас даже возникает угроза потери позиций, завоеванных в этой области усилиями передовых демократических сил конца XIX — начала XX в.

Однако не нужно забывать, что в этот период происходит и такое важное прогрессивное событие, как возникновение Румынской Коммунистической партии. Под ее руководством румынский пролетариат развил ожесточенную борьбу против реакции, упорно в течение более двух десятилетий подготавливая окончательное освобождение народа.

На таком сложном фоне классовой и идейной борьбы следует рассматривать судьбу произведений Толстого в Румынии между 1917 и 1944 гг.

Если при жизни Толстого наиболее широкий отклик находили в Румынии, как мы видели, произведения, написанные им в годы, следовавшие за духовным кризисом, среди которых преобладали сочинения морально-философские и публицистические, то теперь главное внимание румынских читателей привлекает художественное наследие писателя.

Основное место в списке сочинений Толстого, переведенных на румынский язык в эти годы, занимают повести, рассказы, романы и прежде всего «Война и мир», «Анна Каренина» и «Воскресение». Они выходят в новых переводах и переиздаются в старых. Несколько раз переиздавались уже указанные переводы «Войны и мира» Д. Б. Рареша и А. Корбула. В трех новых переводах появилась «Анна Каренина»¹⁰¹, дважды печаталось в новом переводе «Воскресение»¹⁰². В новых переводах были выпущены «Крейцеров соната»¹⁰³, «Хозяин и работник»¹⁰⁴, «Семейное счастье»¹⁰⁵, «Казак», «Севастопольские рассказы», «После бала», «Смерть Ивана Ильича» и др.

Продолжают выходить в эти годы, хотя не столь часто, «народные рассказы» и повести Толстого. Среди новых изданий этих произведений следует отметить брошюры, выпускавшиеся типографией монастыря Нямц и другими церковными издательствами, причем в переводах духовных лиц¹⁰⁶. Столь неожиданное, казалось бы, обращение духовенства к сочинениям писателя, отлученного от церкви и умершего, не примирившись с нею, служит одним из своеобразных доказательств огромного авторитета, побуждавшего все запреты и отлучения, каким пользовался Толстой. Особенно широкий размах получают издания сочинений Толстого в 1928 и 1935 гг., когда отмечались столетие со дня рождения и четверть века со дня смерти писателя.

В период «между двумя войнами» впервые на румынском языке выходят повести «Хаджи-Мурат»¹⁰⁷, «Фальшивый купон»¹⁰⁸ и «Дьявол»¹⁰⁹, рассказы «Два гусара»¹¹⁰, «Тихон и Маланья» (под заглавием «Крестьянская идиллия») ¹¹¹, пьесы «Власть тьмы»¹¹² и «Живой труп»¹¹³.

Если до 1917 г. переводы произведений Толстого печатались преимущественно на страницах периодической печати и реже выходили отдельными

изданиями, то в 1917—1944 гг. преобладают отдельные издания, что, несомненно, способствовало более глубокому ознакомлению с этими произведениями.

Положительным фактом было также появление среди переводчиков Толстого имен известных писателей — таких, как Г. Галактион, З. Станку, И. Пас, Д. Нану. Их переводы выгодно отличаются хорошим языком и стремлением к тщательной передаче художественных достоинств оригинала.

Но все же высококачественных переводов было немного. Гораздо чаще румынскому читателю приходилось сталкиваться с переводческой «продукцией» Д. Рареша — коммерсанта от литературы, наводнившего книжный рынок своими переводами произведений русской литературы и в особенности сочинений Толстого. Работая по французским переводам, часто сокращенным и неточным, делая купюры, допуская пропуски, небрежности, Рареш не сумел выполнить той ответственной задачи, за которую взялся и которая явно была ему не по силам.

При рассмотрении истории распространения сочинений Толстого в Румынии в указанный период бросается в глаза одна как будто внешняя, но характерная деталь. В то время как даже самые посредственные произведения западноевропейской литературы появлялись в Румынии в нарядном оформлении, сочинения Толстого выпускались, как правило, в массовых дешевых изданиях, о полиграфических и художественных достоинствах которых не приходится и говорить. Конечно, это обстоятельство способствовало проникновению книг Толстого в самые широкие круги читателей. Но практика издания сочинений Толстого только в виде дешевых книг, полиграфически низкого уровня, свидетельствовала и об отсутствии подлинного уважения буржуазных издателей к автору «Войны и мира». Об этом же свидетельствуют и те переводы произведений Толстого, которые в отдельных случаях выходили в кричащих обложках, с портретами западных кинематографических звезд, снимавшихся в фильмах, сделанных по толстовским романам, с аляповатыми иллюстрациями, рассчитанными на мещанский вкус.

В рассматриваемый период не появилось, не говоря уже о полном, ни одного избранного собрания сочинений Толстого и ни одного комментированного издания какого-либо из его произведений.

Тем не менее частые издания и переиздания повестей и романов Толстого на румынском языке говорят о том, что творчество его и в неблагоприятных условиях тех лет не переставало находить отклик и привлекать сердца и умы лучших представителей румынского народа и его интеллигенции.

О популярности Толстого свидетельствует и судьба его драматургии. Пьесы Толстого и инсценировки его произведений прочно закрепляются в репертуаре румынских столичных и провинциальных театров. Обращение к драматургии Толстого было одним из проявлений широкого интереса, возникшего в 1920-е годы к русскому реалистическому театру. Передовые режиссеры стремились опереться на этот театр — на его репертуар, на его постановочные принципы — в борьбе с начавшимся тогда наступлением на румынскую сцену буржуазного декадентского искусства. Откликаясь на сообщение «Театра товарищества артистов Буландра — Манолеску — Сторин» о предполагаемой постановке нескольких русских пьес, театральная газета «Рафра» писала: «Попытка освоить русскую драматургию — начинание настолько же мужественное, насколько и смелое. Русский театр — театр передовых идей и глубоких душевных переживаний — может оказать лишь положительное влияние на современного зрителя»¹¹⁴. В другой раз та же газета назвала обращение к русской драматургии «...самым значительным явлением» в театральной жизни страны¹¹⁵.

Усиленному вниманию к пьесам Толстого в Румынии способствовали также гастроли в декабре 1921 г. известного немецкого актера А. Моисси, игравшего с огромным успехом роль Протасова в «Живом трупе». Вскоре после этого (27 февраля 1922 г.) на сцене бухарестского Национального театра состоялась премьера «Власти тьмы»; пьеса возобновлялась и в театральных сезонах 1922/23 и 1926/27 гг. По отзывам прессы, спектакль шел с необычайным успехом, которым в равной степени был обязан режиссеру П. Густу, создавшему глубоко волнующую реалистическую постановку, и таким выдающимся исполнителям, как Ана Лука, Г. Сторин, Сырбул, Морцун и др.¹¹⁶

В 1926 г. «Власть тьмы» была показана румынскому зрителю парижской труппой Ж. Питоева, гастролеровавшей в Бухаресте. По мнению известного драматурга и театроведа К. Петреску, исполнение румынских актеров отличалось от французского «большой силой и выразительностью»¹¹⁷. О выдающемся успехе пьесы говорит и число представлений. Только в марте — июне сезона 1921/22 г. она была сыграна тридцать три раза и заняла первое место среди румынских и зарубежных новинок этого сезона.

Бухарестским Национальным театром ставились также инсценировки по романам Толстого: в 1927/28 г. шло «Воскресение» (переработка А. Батайля), в 1929/30 г. — «Крейцерова соната» (переработка Ф. Нозьера и А. Савуара), в 1931/32 и 1932/33 гг. — «Анна Каренина» (переработка Э. Гиро).

Эти инсценировки, в особенности «Воскресения», представляли собою плоские мелодрамы, не имеющие с произведениями Толстого ничего общего, кроме фабулы. И если они оценивались современниками положительно, то это надо считать лишь заслугой исполнителей и режиссеров. Так, например, долгие годы бухарестский зритель отождествлял Катюшу Маслову с образом, созданным артисткой М. Войкулеску.

Исключительный успех «Анны Карениной» также должен быть отнесен прежде всего за счет интересной постановки пьесы талантливым режиссером Соаре З. Соаре и отличной игры всего актерского ансамбля во главе с Марией Филотти (Анна Каренина), И. Манолеску (Каренин), Балтацану (Вронский), Калборяну (Левин) (три последние получили при демократическом строе звание народных артистов РНР).

Значительным явлением в театральной жизни Румынии 1920-х годов была постановка «Живого трупа» в упомянутом «Театре товарищества Буландра — Манолеску — Сторина» в 1923 г. Успеху пьесы прежде всего способствовало исполнение И. Манолеску роли Протасова. По свидетельству критика театральной газеты «Ramra», актер сыграл эту роль «особенно взволнованно, с большой искренностью и простотой»¹¹⁸. Сам же Манолеску говорил, что это «одна из тех ролей, которые всегда его привлекали» и над которой он «много работал»¹¹⁹. К роли Протасова актер вернулся в 1937 г. и сыграл ее на сцене бухарестского театра «Liga Culturală».

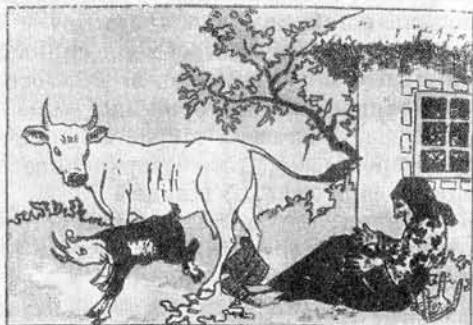
Пьесы Толстого и инсценировки его произведений неоднократно ставились также на главных провинциальных сценах Румынии. В яском Национальном театре, например, где долгое время директором был М. Садовяну, драматургия Толстого была частым и желанным гостем. В театральных сезонах 1920/21 и 1926/27 гг. там шла инсценировка «Воскресения», а в 1926/27 г. с не меньшим успехом, чем в Бухаресте, была показана «Власть тьмы».

В театральном сезоне 1926/27 г. на сцене клужского Национального театра шли «Власть тьмы» и «Воскресение». «Власть тьмы», поставленная в то время еще молодым, ныне же известным режиссером С. Александреску, встретила положительную оценку критики¹²⁰. В 1928 г. в ознаменование

СБОРНИК РАССКАЗОВ
ТОЛСТОГО ДЛЯ ДЕТЕЙ
В ПЕРЕВОДЕ А. ТОМЫ
(БУХАРЕСТ, РУМЫНСКОЕ
ИЗДАНИЕ, 1946)

Художник М. Тейшану

Иллюстрация к рассказу «Корова и козел»

Vaca și țapul

O babă avea o vacă și un țap. Vaca și țapul se duceau la imăș să pască, iar vaca se întorcea ca s'o mulgă. Baba aducea pâine și sare, dădea vacii și-o mângâia:

— Ne-ne-ne, Joiana maicăi, o să-ți dea mama mâncare, numai să stai frumos să te mulg!

A doua zi, țapul se grăbi să vie acasă înaintea vacii; cum ajunse, își crăcăna picioarele și se așeză poponeț în fața babei. Ea îl amenință cu o cârpă ce avea în mână, dar el nu se clinti. Ținea minte că

столетия со дня рождения Толстого театр осуществил постановку «Живого трупа».

Произведения Толстого были введены также в репертуар Национального театра в городе Крайова. В сезон 1922/23 г. и последующий здесь ставится «Власть тьмы», в 1926/27 г. — «Воскресение» и в 1928/29 г. — «Анна Каренина».

Нетрудно заметить, что наиболее интенсивное обращение к драматургии Толстого в Румынии относится к 1920-м и началу 1930-х годов. С середины же 1930-х годов пьесы Толстого, как и других русских авторов (Гоголя, Чехова), почти полностью исчезают из репертуара театров, во всяком случае из репертуара государственных театров. Этот факт находился в прямой связи с предпринятым румынской реакцией открытым курсом на фашизацию страны.

В условиях общего антисоветского направления политики буржуазно-помещичьей Румынии пропаганда русской культуры оказалась затрудненной. Правда, наступающий фашизм не смог еще в это время отгородить румынское общество от культурных ценностей страны, совершившей Октябрьскую революцию. О сохранившейся популярности Толстого свидетельствуют, в частности, многочисленные отклики в периодической прессе и публичные выступления, которыми были отмечены в Румынии юбилейные толстовские даты 1928 и 1935 гг. В 1928 г. была даже предпринята попытка издания специального журнала, посвященного Толстому¹²¹. Но растущая напряженность политической обстановки не могла не обострить идейной борьбы вокруг восприятия в Румынии русской литературы, и, в частности, Толстого.

Усилила свои выступления реакционно-идеалистическая критика, тенденциозно возвышавшая «религиозный идеал» Толстого. Так, например, трансильванский журнал «Familia» в статье, посвященной столетию со дня рождения Толстого, обходя полным молчанием толстовскую социальную критику, писал: «Везде, во всех его <Толстого> произведениях господствует религиозный и моральный идеал(...) Его личность воплощает все качества <...> человека высшего назначения, сверхчеловека, который появляется через века, того сверхчеловека, которого пропагандирует <...> немецкий философ <...> Ницше»¹²².

Как видим, автор статьи не просто односторонен в своей характеристике «идеала» Толстого. Он хотел бы связать его имя с именем реакционного философа XIX в.

Полны клеветнических выпадов против русского народа, против Советского Союза и социализма и другие статьи, напечатанные в журнале «Familia» по случаю юбилея Толстого. Автор статьи «Толстой и Ленин» доходит, например, до утверждения, будто «Толстой принадлежит в большей степени белой России, чем красной»¹²³. Другие авторы тенденциозно изображают Толстого только «апостолом пассивности и смирения». «Вообще все творчество Толстого оставляет впечатление литературной обработки Евангелия», — утверждает один из них¹²⁴.

Варианты подобных интерпретаций сочинений Толстого можно встретить в ряде румынских правых органов того времени. Некоторые пытались представить его скрытым сторонником «чистого искусства», которому были навязаны общественные проблемы. «Несчастливая судьба устроила так, — писала газета «Ordinea», — что литературному таланту Толстого привили гнилой росток <...> — тенденциозность, гуманизм, дух разрушения и протеста»¹²⁵.

Другие, напротив того, в безграничной злобе к русской революции представляли Толстого «великим разрушителем», «ультрареволюционером», зараженным «ужасным русским нигилизмом».

Путанице и фальши реакционно-идеалистической критики противостояли выступления румынской демократической печати. Необходимо, однако, отметить, что в этой печати отнюдь не царило монолитное единство, и вопрос о ее оценках Толстого требует поэтому дифференцированного обзора.

В первую очередь мы остановимся на отношении к Толстому партийной печати и других изданий, идейно связанных с Коммунистической партией Румынии, которая, хотя и была загнана в 1924 г. в подполье, но продолжала свою борьбу на всех участках. Эти газеты и журналы нередко обращались к русской и советской литературе, видя в них союзника в борьбе за свои политические и социальные идеалы. Такого союзника искали они и в Толстом — критике и обличителе буржуазного общества. Приведем один характерный пример. Протестуя против несправедливого приговора, вынесенного в 1933 г. руководителям Румынской Коммунистической партии во главе с Г. Георгиу-Деж и К. Стойка по процессу железнодорожников Гривицы, газета «Cioroți» предпослала статью, в виде эпиграфа, знаменитые обличительные слова из «Живого трупа», брошенные Федей Протасовым буржуазному правосудию: «Ах, господин следователь, как вам не стыдно. Ну что вы лезете в чужую жизнь? Рады, что имеете власть и, чтоб показать ее, мучаете не физически, а нравственно людей, которые в тысячи раз лучше вас»¹²⁶.

Отрывки из высказываний Толстого против войны были напечатаны в органе Союза румынских трудящихся женщин¹²⁷. Некоторые мысли, афоризмы, выдержки из публицистических произведений Толстого обличительного характера появляются в газетах «Foia Tînarului», «Tineretul Socialist» — органах рабочей молодежи и т. д.

Юбилейные толстовские даты 1928 и 1935 гг. вызвали появление серии статей в коммунистической и близкой ей печати. Определяющими для некоторых из этих статей являлись методологические принципы, установленные Лениным для анализа творчества Толстого. В них подчеркивалось огромное, мировое значение Толстого как художника—обличителя современного социального порядка, и в то же время не скрывались, но исторически осмысливались слабые стороны толстовской философии. Вот что писала, например, газета «Inainte» — орган рабоче-крестьянского блока:

«Толстой бросается <...> в борьбу против человеческого эгоизма, против современного государства, против церкви и системы распределения богатств. В то же время он производит <...> впечатление человека, который не может освободиться от внутренних цепей. Протест против несправедливых сторон современной жизни не ведет его на путь революции. Толстой идет по другому пути, по пути чистой проповеди, отказывается от сопротивления и прямой борьбы со злом». Далее газета пишет, открыто ссылаясь на ленинское объяснение классовых позиций писателя: «Как гениально показал Ленин, он был таким же нерешительным и пассивным в своих революционных чувствах, как крестьянин, и столь же глубоко религиозен, как крестьянин. Ленин называл Толстого полуреволюционером. Он был суровым критиком социальных порядков, но в то же время проповедником терпения, непротivления и приниженности»¹²⁸.

Журнал «Cuvîntul Liber», в котором активно сотрудничал известный передовой писатель А. Сахия, посвятил Толстому в связи с двадцатипятилетием со дня его смерти целый номер, богатый и разнообразный по содержанию. В кратком редакционном вступлении определялось значение Толстого в свете происходивших тогда событий — захвата власти в Германии гитлеровцами, усиления фашизации Румынии. «Чествуя его память, — говорилось в статье, — мы чествуем память всех европейских писателей, верных революционным и гуманистическим идеалам, ум которых служил одной лишь справедливости и правде. Вот почему крест, поднятый Толстым, не имел загнутых концов и не был орудием ненависти, убийств и угнетения, а был светлым знаменем борьбы за человеческую совесть»¹²⁹.

Специальный номер отвел памятной дате Толстого в 1935 г. и другой журнал левого направления — «Şantier». В серии помещенных здесь статей и заметок, быть может, наибольший интерес представляет статья «Лев Толстой и рабочий класс». Говоря об отношении рабочего класса к творчеству русского писателя, автор приходит к следующему заключению: «Его социалистический идеал по сути своей утопичен<...> Социализм Толстого пропитан мистицизмом. Он считает, что общество будет совершенствоваться по мере того, как будут появляться совершенные люди, и его метафизическое мировоззрение лишено всякой практической пользы <...> Несмотря на это, рабочий класс видит в Толстом великого бунтаря против<...> современного общества. Никто другой не произнес такого беспощадного обвинительного приговора церкви, войне, смертной казни, капиталу, как Лев Толстой»¹³⁰.

Одним из самых активных пропагандистов русской и советской литературы в Румынии в период «между двумя войнами» был демократический журнал «Adevărul Literar şi Artistic».

Правда, далеко не все многочисленные материалы о Толстом, которые были напечатаны на его страницах, можно считать равноценными. Но вместе с бьющими на сенсацию сообщениями, касающимися личной жизни писателя, и незначительными заметками информационного характера мы находим там и ряд содержательных статей. Среди них можно назвать статью известного румынского писателя Т. Аргези, посвященную столетию со дня рождения «автора величественных творений — „Анны

Карениной“ и „Войны и мира“, чьи книги читаются с жадностью и самозабвением»¹³¹.

Заслугой журнала было и то, что он регулярно, насколько это было возможно в условиях того времени, знакомил своих читателей с культурной жизнью Советского Союза, в том числе и с послереволюционной судьбой литературного наследия Толстого на его родине. Так, в журнале была помещена информация о деятельности Государственного музея Толстого в Москве, о плане выпуска полного собрания сочинений писателя в девяносто томах, отчет о толстовских юбилейных торжествах в Москве и Ленинграде, рецензия на книгу Ф. Раскольников, посвященную работам Ленина о Толстом¹³². Таким образом, несмотря на цензурные рогатки, румынские читатели все же получали иногда возможность знакомиться с ленинскими оценками творчества Толстого.

Суждения Ленина о Толстом изредка проникали в румынскую печать и позднее. Театральная газета «Ramra», хотя и не отличавшаяся последовательной прогрессивной ориентацией, тоже довольно часто печатала материалы из русской и советской литературы. В 1934 г. она поместила — впервые на румынском языке — отрывок из воспоминаний Горького о Ленине, в котором речь шла о Толстом и содержались известные слова Ленина об авторе «Войны и мира»: «Кого в Европе можно поставить рядом с ним? — Никого»¹³³. Следует в особенности отметить интересную статью П. Пандря, «Толстой и русская революция», напечатанную в том же 1934 г. в журнале «Viața Românească» и обстоятельно знакомившую с содержанием ленинских статей о Толстом¹³⁴.

Несмотря на случайный и крайне фрагментарный характер публикаций ленинских высказываний о Толстом, эти публикации несомненно сыграли свою положительную роль. К тому же взгляды Ленина доходили до румынских читателей и через другие издания левой печати, которая зачастую, не называя его имени, давала оценки, близкие к ленинской трактовке Толстого.

С тем же глубоким восхищением и любовью, как и в молодости, продолжает в 1920—1930-х годах изучать Толстого Г. Ибраилу, в то время профессор ясского университета, душа и руководитель журнала «Viața Românească», и сгруппировавшегося вокруг этого издания кружка передовых талантливых писателей, среди которых были М. Садовяну, Г. Топырчану, Д. Ботез, О. Казимир и др.

Ибраилу исследовал творчество Толстого с увлечением и страстью ученого и восторгом поэта. Он видел в русском писателе величайшую фигуру мировой литературы, ставил Толстого выше Бальзака и Достоевского, а из новых писателей выше Пруста и ценил в нем в первую очередь гения реалистического романа. «Реалистическое творчество Толстого занимает особое, единственное место в литературе», — писал он. Критик полемически противопоставлял Толстого литературе, стремившейся увести румынского читателя с пути «обетшалога» реализма в дебри различных «измов».

Ибраилу неоднократно перечитывал романы Толстого, он вдоль и поперек обошел эту «таинственную планету», как он называет творчество Толстого, и посвятил ему прекрасные, взволнованные страницы, не уступающие лучшим из написанных о нем на различных языках мира.

«Какой изумительный, ни на кого не похожий творец, этот гениальный русский! Как смело вступает он в схватку с жизнью с первых же страниц „Войны и мира“, в той главе, где мы словно на самом деле присутствуем на вечере у Анны Павловны <...> Ты как будто вышел из дому и попал в иной мир. И книга ведет тебя совсем незаметно <...> то на офицерскую пирушку, то в девичье общество, то в имение генерала, то на поле Аустерлицкой

«ЖИВОЙ ТРУП» НА СЦЕНЕ БУХАРЕСТСКОГО «ТЕАТРА МОЛОДЕЖИ».
(«Teatrul Tineretului») 1956

Федя Протасов — А. Критико

Фотография

Предоставлена редакции «Литературного наследства» Татьяной Николеску (Бухарест)

битвы, то к какому-то родственнику Ростовых<...>, а потом ты вдруг снова оказываешься в кругу девушек <...> В течение тех семи дней, что ты просиживаешь с этой книгой в руках, твои родные уже перестают быть для тебя вполне реальными существами, а друзья живут как бы где-то в прошлом. Все бледнеет перед этим более живым миром, в котором ты теперь находишься <...> И если после этой книги ты возьмешь книгу любого другого автора, она покажется тебе неживой, неестественной...»

Такой «неживой», «неестественной» показалась Ибразилян после «Войны и мира» «старая, приятная знакомая» «Евгения Гранде» Бальзака, а в другой раз «Сильна, как смерть» Мопассана. «Роман Толстого, — пишет далее критик, — развивается широко, величаво, включает сотни людей с их прошлым и будущим<...> Это поистине маленькая планета<...> Существовал ли на протяжении веков более великий поэт, чем Лев Николаевич? Стремление к небесному у Данте, трагическая поэзия бренности всего человеческого у Шекспира, братство гения со всем бытием у Гете, — все это не превосходит его замечательного творчества, огромного, богатого и спокойного<...>, более полного, чем сама жизнь»¹³⁵.

III. В РУМЫНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

(1944 — 1960)

23 августа 1944 г. открыло новую эру в истории румынского народа. В течение нескольких последующих лет Румыния прошла сложный путь демократического развития, завершившийся в 1947 г. провозглашением Румынской Народной Республики.

С самого начала борьбы за новую жизнь Коммунистическая партия Румынии, а затем Румынская Рабочая партия, уделяла большое внимание вопросам культуры. Широкие народные массы впервые получали теперь возможность знакомиться и с достижениями национальной литературы, и с произведениями мирового классического наследия. В развитии этой культурной революции в Румынии русская классическая и советская литература сыграли свою роль.

Русская классика и советские книги проникают теперь в самые отдаленные углы страны. На обложках этих книг встречаются неизвестные или мало известные дотоле в Румынии имена К. Федина, Л. Леонова, И. Эренбурга, Н. Островского, А. Толстого и других советских писателей. Что же касается представителей русской классической литературы, известных в Румынии и раньше, то лишь теперь румынский читатель мог познакомиться с их творчеством по неискаженным и полным переводам, стремящимся не только правильно передать содержание произведения, но и по возможности адекватно воссоздать стиль автора.

Прежде всего это касалось сочинений Толстого, которым, как мы видели, пришлось немало пострадать от произвола румынских переводчиков и издателей. Произведения Толстого были одними из первых изданий русской классической литературы, выпущенных после 23 августа 1944 г. В 1945 г. появилась повесть «Поликушка», привлекавшая внимание суровым реализмом изображения темноты и отсталости крестьянского быта, еще не изжитых в Румынии и за искоренение которых велась тогда напряженная борьба. «Рассказ „Поликушка“, действие которого разворачивается среди русских крепостных крестьян, содержит элементы сильной, хотя и не открыто высказанной социальной критики», — писала газета «Scînteia»¹³⁶, центральный орган Румынской Рабочей партии.

В 1946 г. вышла повесть «Смерть Ивана Ильича». «Это шедевр большой глубины и значения, в котором простота рисунка, человечность, сила чувства и острота внутренней драмы переданы с несравненным по своей выразительности искусством», — так откликнулась на появление повести газета «România Liberă»¹³⁷. В том же году в переводе поэта А. Томы вышел сборник рассказов для детей¹³⁸.

Значительным событием в культурной жизни страны было появление в 1947—1948 годах на румынском языке в полных и высококвалифицированных переводах романов «Война и мир» и «Воскресение».

Перевод «Войны и мира» был сделан при участии видного писателя, поэта и искусного переводчика, академика А. Филиппиде — большого знатока и ценителя русской литературы. Весьма удачная передача на румынском языке великой эпопеи Толстого дала впервые возможность румынскому читателю по-настоящему оценить этот шедевр. Выход в свет перевода «Войны и мира» вызвал живой отклик общественности и литературных кругов. Вскоре роман появился параллельно еще в одном переводе, и выдержал в дальнейшем несколько переизданий (в 1949, 1954—1955, 1959, 1960 гг.)¹³⁹.

Почти одновременно было с успехом переведено «Воскресение» писательницей Лучией Деметриус. Книга также выдержала несколько изданий¹⁴⁰.

С каждым годом круг произведений Толстого, доступных румынскому читателю на родном языке, все более и более расширяется.

В 1948 г. появляются новые переводы «Хаджи Мурата»¹⁴¹ и «Кавказского пленника»¹⁴² (перевод писателя Р. Боуряну), в 1949 г. выходит «Набег», «Рубка леса», «Севастопольские рассказы»¹⁴³ (перевод Л. Деметриус). В 1950 г. издается первый полный и подлинно художественный перевод романа «Анна Каренина» (перевод писателя М. Севастоса). Приветствуя это обогащение фонда переводов Толстого на румынский язык,

Ч. Петреску писал: «Для нашей культуры и нашей читающей публики это событие огромного значения <...> Наш читатель сможет войти, вникнуть непосредственно в мир, созданный Толстым, познакомиться с его героями <...>, и в этом ключ к пониманию гения Толстого»¹⁴⁴. В 1950 г. была напечатана в переводе акад. С. Саниелевича повесть «Казак»¹⁴⁵; в 1951 г. вышли в свет на румынском языке «Фальшивый купон» и «Крейцера соната»¹⁴⁶ (перевод Г. Николау). В 1953 г. по случаю столетия со дня рождения Толстого были изданы: «После бала»¹⁴⁷ (перевод академика А. Филиппиде), «Утро помещика», «Люцерн», «Поликушка»¹⁴⁸ (перевод Валерии Садовяну), «Власть тьмы», «Плоды просвещения», «Живой труп»¹⁴⁹ и несколько сборников рассказов для детей и т. д.

В 1953 г. было начато издание собрания сочинений Толстого в четырнадцати томах (перевод советского издания — М., 1952) и выпущен первый том, содержащий автобиографическую трилогию (перевод писательницы Тику Архип. Издание было завершено в 1960 г. — к пятидесятой годовщине со дня смерти писателя *). Появление собрания сочинений Толстого в переводах, осуществленных в большой своей части видными румынскими писателями, что обеспечило этим переводам высокий художественный уровень, было важным этапом в истории распространения его произведений в Румынии и заслужило общее одобрение.

«Наконец-то и у нас появилось монументальное издание сочинений Льва Толстого<...>, вполне соответствующее великой личности гениального писателя, который полвека стоял во главе не только русской литературы, но, без преувеличения, во главе всей европейской литературы...», — писал в связи с этим Ч. Петреску¹⁵⁰.

В народно-демократической Румынии произведения Толстого получили поистине огромное распространение. Они неоднократно переиздавались и выходили в новых переводах. Несколько раз переиздавался, например, как уже было указано, перевод «Войны и мира», напечатанный в 1947—1948 гг. В 1960 г. вышло четвертое его издание. «Анна Каренина» в переводе М. Севастоса (1950 г.) была переиздана в 1953, 1957, 1959 и 1960 гг. «Воскресение» — в 1951, 1959, 1960 гг. и т. д. Для того чтобы дать представление о размахе популяризации творчества Толстого на румынском языке, достаточно сказать, что с 1944 по 1960 гг. было напечатано шестьдесят названий, общим тиражом в один миллион сто семьдесят четыре тысячи экземпляров. Особенно большими тиражами выпускались переводы некоторых произведений. Тираж издания «Войны и мира» 1954—1955 гг. достигал тридцати пяти тысяч экземпляров и 1959 г. — двадцати тысяч. Перевод «Анны Карениной» был выпущен в 1959 и 1960 гг. в количестве шестидесяти тысяч экземпляров, «Воскресения» — в сорока тысячах экземпляров. Таких тиражей до 1944 г. не имело в Румынии ни одно издание русских классиков.**

Популярностью пользуется в Народной Румынии и драматургия Толстого.

В первые же годы после освобождения страны многие театры возобновили постановку пьес Толстого. Так, в 1944/45 г. на сцене театра Муничиал шел «Живой труп» с известным исполнителем роли Феди Протасова артистом И. Манолеску, который играл эту роль и в 1923, и в 1937 гг. В 1945/46 г. была поставлена «Власть тьмы» талантливым режиссером

* См. в настоящ. томе хронику пятидесятилетия со дня смерти Толстого. — *Ред.*

** Об изданиях переводов Толстого на румынский язык и, в частности, новейших изданиях, см. также в библиографических справочниках: Filip Roman — *Literatura rusă și sovietică în limba română* (1830—1959), ESJP, Buc., 1959; «Художественные произведения Л. Н. Толстого в переводах на иностранные языки. Отдельные зарубежные издания. Библиография. «Всесоюзная книжная палата», М., 1961. — *Ред.*

«ВОСКРЕСЕНИЕ» НА СЦЕНЕ РУМЫНСКОГО «НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА»
им. И. Л. КАРАДЖАЛЕ («TEATRUL NATIONAL «I. L. CARAGIALE»), БУХАРЕСТ, 1960

Сцена в суде. Катюша Маслова — Марчела Русу

Фотография

Предоставлена «Литературному наследию» Татьяной Николеску (Бухарест)

писателя. Как и в начале своего писательского пути, так и теперь — зрелый мастер, классик румынской литературы — Садовяну восхищается реализмом Толстого. «Это самый великий творец жизни во всей литературе XIX века, — утверждает он. — Толстой гениально передает быт и душу русского человека, у него и главные герои и второстепенные персонажи одинаково живы, а раскрытие душевной жизни глубоко и несравненно по своей силе, так что у читателя создается впечатление, что он был очевидцем описанных событий и лично знал изображенных людей. Эпизоды из романа „Война и мир“, очаровательный образ Анны Карениной никогда не исчезнут из памяти и из души читателей». И в то время, как толстовство давным-давно забыто, сам «Толстой благодаря своим романам и повестям останется навсегда в сознании людей будущего волшебником — творцом живой жизни»¹⁵².

Другой старейший румынский писатель Г. Галактион, желая определить место Толстого в мировой литературе всех времен и народов, ставит его в ряд с Гомером и Данте. «Гениальный художник, — пишет он, — несравненный поэт, одевший мир в хрусталь и золото, словно <...> похитивший у Творца <...> его тайну, Толстой написал такие <...> шедевры, как „Война и мир“ и „Анна Каренина“, которые будут жить, пока будут жить „Илиада“ и „Божественная комедия“»¹⁵³.

Неоднократно отмечал значение Толстого для румынских писателей, в том числе и для него самого, Ч. Петреску. Так же, как когда-то Ибрэилину, он преклоняется перед совершенством, с каким Толстой передает правду жизни, «рисует живых людей, к которым словно хочется притронуться». «Лев Толстой, — говорит в другой статье Петреску, — был титаном реали-

стической литературы и таким он останется в веках <...> Этим реализмом объясняется и его влияние на румынских писателей». В автобиографическом отступлении Петреску заявляет: «Неужели скромный автор этих строк мог бы написать роман „Затемнение“, в котором он осуждает войну и тех, кто на ней наживается, если бы юношей он не прочел „Войну и мир“ и не перечитал бы затем эту книгу три-четыре раза в зрелом возрасте? Без этого чтения мое сознание человека и писателя осталось бы навсегда лишенным путеводных лучей, которые светили мне в темноте и не покидали в течение всей жизни»¹⁵⁴.

Не отказываясь от критики взглядов Толстого, румынский писатель признает его всемирную и неуявдаемую славу. Непревзойденное искусство Толстого как художника, величие его идей гуманиста, мощь его социальной критики, направленные на уничтожение всех форм и видов общественного зла и несправедливости, — вот причины, объясняющие, почему творчество Толстого оказало и продолжает оказывать влияние на все передовое человечество.

«Рухнули гордые империи, — пишет Ч. Петреску, — исчезли и исчезают социальные классы <...>, а творчество Толстого осталось таким же свежим <...>, таким же живым и так же сильно волнует умы, как и в момент своего появления на свет»¹⁵⁵.

Один из виднейших румынских литературоведов, ныне покойный академик Ж. Кэлинеску сравнивает Толстого с Челлини и Микеланджело и называет его «гением и гордостью русского народа и человечества»¹⁵⁶.

Среди наиболее интересных литературоведческих работ о Толстом, появившихся за последние годы в Румынии, нужно назвать статью Т. Виану «Философия истории в романе Толстого «Война и мир». Исследователь полагает, что в вековом историческом развитии мировой литературы это произведение Толстого «означало наиболее <...> решительный поворот»¹⁵⁷. Интересен сопоставительный анализ исторических романов писателей-романтиков и «Войны и мира». «Если романтики, — обобщает свои наблюдения Виану, — рассматривали исторические события с внешней стороны, то Толстой рассматривает их изнутри, отмечает те психологические и социальные отношения, на которых они зиждутся». В статье подробно анализируется толстовская концепция философии истории. Виану подчеркивает, что «история для Толстого — результат соединения миллионов человеческих действий, творение масс, а не отдельных личностей, как бы они ни были исключительны». У Толстого появляется новое «действующее лицо», прежде неизвестное в искусстве — «человеческие массы». «После Толстого, — пишет Виану, — в литературу пришло много писателей, которые стали изображать массы; но до него никто этого не делал». «Разрушая кодексы старой аристократической морали, — пишет в заключение Виану, — развенчивая славу прежних героев — хозяев жизни, считавших себя творцами истории и претендовавших на преимущественное пользование ее благами, Толстой венчает славой миллионы людей из народа. „Война и мир“ становится, таким образом, поистине эпопеей современных демократий»¹⁵⁸.

* * *

Больше чем о каком-либо другом русском писателе и с большим воодушевлением и любовью говорилось и говорится в румынской литературе о Толстом. Эта любовь живет и не увядает, так же как не увядает и не теряет своей свежести и красоты творчество Толстого.

ПРИМЕЧАНИЯ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ УПОМИНАЕМЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

A — «Albina»; *C* — «Contemporanul» (1881—1891, Яссы); *CL* — «Convorbiri literare» (Яссы — Бухарест); *E* — «Ерота»; *F* — «Familia» (Орадя); *GT* — «Gazeta Transilvaniei» (Брашов); *Lib* — «Liberalul» (Яссы); *LI* — «Lumea ilustrată»; *LN* — «Lumea nouă»; *L* — «Lupta»; *NRR* — «Noua revistă Română»; *O* — «Opinia» (Яссы); *R* — «Rampa»; *RM* — «România muncitoare»; *Rom* — «Românul»; *S* — «Secolul»; *T* — «Tribuna» (Арад); *T(S)* — «Tribuna» (Сиббу); *U* — «Universul»; *UL* — «Universul literar»; *VR* — «Viața Românească» (Яссы — Бухарест); *V* — «Viitorul».

¹ Cititor. Cronica literară.— *S*, 7. IV 1910, № 3156.

² G. Ibrăileanu. Tolstoi.— *VR*, 1910, № 11, p. 292.

³ Ibid.

⁴ «Trei morți».— *C*, 1885, № 10—12, 15.V—15.VI, p. 358—369. В том же переводе рассказ был напечатан также газетой левого направления «Ciocoiul», 5.II—4.V 1889, № 1—11.

⁵ «Cum am învățat să călăresc»; «Focul», «Cu ce trăesc oamenii».— *LN*, 25.XI 1894, № 22; 29.XII 1894, № 52; 30.VII—6.VIII 1896, № 594—602. Первые два рассказа в переводе Хаза, последний (с русского) — Е. Гроссу.

⁶ «Simburele».— «Munca științifică și literară», 1894, № 2, 24.III, p. 15.

⁷ «Un număr de jurnal», «Cîntecele din sat».— *RM*, 3, 17, 20.VIII 1911, № 46—48; *LN*, 16.XI 1911, № 8.

⁸ На страницах румынской рабочей печати и близких к ней органов к концу XIX и в начале XX в. публиковались (полностью и в отрывках) переводы романов «Что делать?» Чернышевского и «Нови» Тургенева, рассказов Чехова, повести Горького «Мать», его же рассказов, а также произведений других русских писателей.

⁹ «Brosuri bune de citit».— *RM*, 15.X 1909, № 65. В сб. «Revoluționarii» (Бус., 1909, «B-ca nouă») вошли повесть Толстого «Божеское и человеческое», получившая в переводе название «Террорист» (см. ниже примеч. 10), и рассказы «За что?» и «Корней Васильев».

¹⁰ *RM*, 19.VI 1916, № 141. Под названием «Моя религия» и «Вражда» были переведены на румынский язык «Ответ Толстого на определение Синода от 20—22 февраля...» и рассказ «Упустишь огонь — не потушишь». Произвольное изменение названий произведений при переводе было широко распространено в те годы на Западе.

¹¹ Сборник, включавший эти рассказы, носил название: «Povestiri alese și întocmite de Petra Petrescu». Brașov, 1892. В газете переводы Петреску печатались под псевдонимом *Moșul*. Переводы сделаны, по всей вероятности, с немецкого языка.

¹² «Trei generații».— «Biblioteca familiei», 1890, № 40, 28.X, p. 629. Перевод с немецкого Людвиг Лейста.

¹³ «Fericirea».— *UL*, 1890, № 4, 29.I, p. 2—3; «Biblioteca familiei»; 1890, № 14, 1.IV, p. 213—214; в обоих изданиях в переводе с немецкого Людвиг Лейста. «Ilie».— «Amicul familiei», 1890, № 2, p. 31—34.

¹⁴ «Aug».— *T*, 17.V 1890, № 111. Перевод Фируцы Влад; *LI*, 1892, № 16, p. 447—448. Перевод Иона Кындя.

¹⁵ «Ilias».— *LI*, 1892, № 14, p. 393—394. Перевод Иона Кындя; «Fericirea».— «Independentul», 1.III 1892, № 42. Перевод с немецкого Л. Лейста.

¹⁶ «Bobul de grâu».— *L*, 23.II 1893, № 1937. «Familia», 1893, № 51, 19.XII, p. 603—604.

¹⁷ «Stinge focul pînă cînd arde sub spuză».— *T*, 19—23. V 1893, № 103—112. Перевод И. Кындя.

¹⁸ «Cu ce trăesc oamenii».— «Jiul», 1894, № 1—3, 15.IV—15.VI, p. 13—16, 24—27, 19—24. Перевод с русского Клементя И. Бонтия.

¹⁹ «Prizonierul din Caucaz».— «Revista literară», 1894, № 2, 20.I, p. 28—32; №3, 30.I, p. 40—47; «Un exilat».— «Liga literară», 1894, № 11—12, IV—V, p. 309—318.

²⁰ «Cei trei bătrîni».— *LI*, 1894, № 2—4, 14.VII, p. 2.

²¹ «Cei doi bătrîni».— «Revista literară», 1895, № 7—9, 10, 20, 30.IV, p. 107—108, 125—127, 140—141. Перевод П. Петреску.

²² «Împărtașania mea în trei parabole».— «Jurnalul», 19.IV, 1895, № 132; «Trei parabole».— «Timpul», 21.IV, 1895, № 89.

²³ «Patruzeci de ani».— «Patria», 14.III 1899, № 274.

²⁴ «Finul».— «România rurală», 2.V 1899, № 18; 31.X—21.XI 1899, № 35—38. Перевод Ж. Пырвэнеку.

²⁵ «Cel dintîi rachier».— *A*, 1898, № 18, 1.II, p. 550—553; *Rom*, 12.VII 1898, № 132; «Cel dintîi rachier sau pacostea băuturitor alcoolice».— «Calendarul plugarului», 1899, p. 81—85; «Povestea rachiului».— «Semănătorul», 1899, № 3, 20.III, p. 28—36.

²⁶ «Din ce trăiesc oamenii». — «Adevărul», 14—19.II 1895, № 2115—2120; «Piinea oamenilor săraci». — «Dreptatea», 14—15.X 1895, № 275—276; «Foia de duminică», 31.XII 1895, № 47; Перевод Ницу-Поп; «Cu ce trăiesc oamenii». — *LV*, 30.VII — 6.VIII 1896, № 594—602. Перевод Эвр. Гроссу; «Prin ce viețuiesc oamenii». Buc., 1898, Trad. de A. Giers (с русского); «Cu ce trăiesc oamenii» Roman, 1898. Trad. de Clement I. Bontea (с русского).

²⁷ Например, сб. «Cele din urmă». Buc., 1907. Trad. de Constantin I. Anestin; «Mici povestiri». Buc., 1910. Trad. de A. Luca (с русского); «Cu ce trăiesc oamenii și alte povestiri». Buc., 1912, Trad. de G. Carp (с русского).

²⁸ «Ivan Neghiobul». — «Propaganda» (Tulcea), 22.III 1907, № 1; «Ivan Prostul». Poveste. Buc., Ed. «Socec», 1909. Trad. de G. Carp (с русского); «Munca, moartea și boala». — В сб. «Cele din urmă». Buc., 1907. Перевод Константина И. Анестина; «Cum se ajunge la fericire». — «Luceafărul», 1908, № 24, 15.XII, p. 589—590; «Judecătorul cel înțelept». — В сб. «Mici povestiri». Перевод с русского А. Лука; «Regele Asiriei Assarkadon». — В сб. «Cele din urmă». Перевод Константина И. Анестина.

²⁹ Вот далеко неполный список переводов «народных рассказов» Толстого, напечатанных в конце 1910 и в 1911 гг.: «Domnul și diavolul» («Вражье лепко, а божье крепко»). — *NRR*, 1910, № 4, 21.XI, p. 74—75. Перевод С. Бланка; «Ordinea», 24.XI 1910, № 864; *GT* 16.XII 1910, № 276; 12.XI. «Foia de pororului», 19.XII 1910, № 51; «Sluga diavolului». — *UL*, 1911, № 37. 12.XI, p. 2—3.

«Cei doi frați» («Два брата»). — *UL*, 1911, № 17. 21.XI, p. 7. Перевод Николая Михайля. «Cel pocăit» («Кающийся грешник»). — *A*, 1911, № 22. 27.II, p. 582—585. Перевод с русского Ж. Карпа; «Păcătosul pocăit» — *UL*, 1911, № 26, 27.VII, p. 2.

«Judecătorul isteț» («Праведный судья») — «Seara», 1.XII 1910, № 32. Перевод Ивана Скурту; *GT*, 10.XI 1910, № 246 (в том же переводе). «Judecătorul destoinic». — «Săptămîna politică și culturală», 1911, № 11, 19.II, p. 127—129; «Judecătorul cel iscusit». — *A*, 1911, № 50, 11.IX, p. 1553—1556. Перевод с русского Дж. Карпа; «Deșteptarea», 29.IX 1911, № 39. Перевод с русского Дж. Карпа.

«Cei trei sihaștri» («Три старца»). — *T*, 2.XII 1910, № 260, «Cei trei unchiesi». — *UL*, 1911, № 48, 28.XI, p. 2—3; «Cafeneaua din Surate» («Суратская кофейня»). — *UL*, 1911, № 16, 18.IV, p. 3—5. Перевод Иосифа Шарвари; «Epigonii», 1911, № 1, 25.XII, p. 5—8;

«Cum s-ajungi la fericire» («Труд, смерть и болезнь»). — *V*, 6. XI 1910, № 1042; «Cei trei prieteni». — *A*, 1910, № 8, 21.XI, p. 208. Перевод с русского Дж. Карпа.

³⁰ «Tăranul Pakhom». — «Adevărul la sate», 15.II 1902, № 18. Перевод Доры Попп. «Cît pămînt trebuie unui om». — «Literatură și știință populară», 1903, № 2, p. 128—142; «Revista ideii», 1906, № 4, p. 56—61. Перевод Чорану И. Костел; «Lectura», 1907, № 9—10, IX, p. 574—584; «Doljul» (Craiova), 4—7.VII 1910, № 573—576; «Drapelul» (Lugoj), 4—20.II 1917, № 14—15; «Povestiri populare». Buc., 1912. Trad. de I. Birseanul.

³¹ «Tăranul Pakhom». — «Adevărul la sate», 15.II 1902, № 18. Перевод Доры Попп. Газета издавалась писателем Константином Милле, к этому времени уже изменившим социалистическим позициям.

³² F. M. B o t o s a n i. Invierea. — «Evenimentul» (Iași), 18.IV 1900, № 68.

³³ См. примеч. 30.

³⁴ «Cum s-a iscodit rachiul. Poveste de Lew Tolstoi, prelucrată în versuri și pusă în scenă de Ion I. Onu». Tulcea, 1901. «Biblioteca Antialcoolică».

³⁵ *Rom.*, 27.VIII 1890.

³⁶ «Sonata lui Kreutzer». — «Reforma» (Craiova), 16.XII 1890—24.II 1891, № 1—11.

³⁷ «Sonata Kreutzer». Buc., 1891. Trad. de I.I.R. (с франц.). В книгу включено «Послесловие» Толстого к предпоследней (четвертой) редакции.

³⁸ «Sonata lui Kreutzer sau Crimă din gelozie». — «Independenta» (Focsani), 4.X 1892, № 1.

³⁹ «Căsătoria (Sonata à Kreutzer)». — *Lib*, 2.II—26.IV 1901, № 282—334.

⁴⁰ «Sonata Kreutzer». Trad. Math. Gheorghiu. Cu o introducere de Ludovic Dauş. Buc., 1908.

⁴¹ *Rom.*, 1.V 1891.

⁴² R a d u. Contele Leon Tolstoi. — «Calendarul ilustrat bucureştean», 1891, p. 48. Подобные отклики можно найти и в других журналах и газетах того времени, выражавших либо свое восхищение перед талантом Толстого, либо подчеркивавших злободневность затронутых им в повести вопросов.

⁴³ C. D o b r o g e a n u - G h e r e a. Cauza pesimismului în literatură și viață. — «Ștudiul critice», vol. II. Buc., 1891, p. 344.

⁴⁴ G. B o g d a n - D u i c ă. Tolstoi. — *T (S)*, 20—23.I 1891, № 16—21.

⁴⁵ C. V r a j ă. (G. Ibrăileanu). Psihologia de clasă. — «Evenimentul literar» (Jasi), 1895, № 23, 31.V, p. 3—4.

⁴⁶ *L*, 12.IX 1910, № 160.

⁴⁷ G. I b r ă i l e a n u. Tolstoi. — *VR*, 1910, № 11, p. 292.

- ⁴⁸ *E*, 18.III 1899, № 1028. Роман печатался в газете с 24.III по 7.VII в № 1034—1132.
- ⁴⁹ *T* (S), 31.III 1899, № 71. С этого же номера по 172 (31.III—8.VIII) роман печатался в газете.
- ⁵⁰ «*Invierea*».— «*Evenimentul*» (Jași), 6.V—24.X 1900, № 84—200.
- ⁵¹ «*Invierea*», Trad. din rusește de Dr. I. Duscian. Buc., 1910.
- ⁵² B. Brănișteanu. *Invierea noul roman al lui Tolstoi*.— «*Adevărul*», 9.III 1900, № 3813.
- ⁵³ H. Sanielevici. *Invierea, roman de Tolstoi*.— NRR, 1900. № 8, 15.IV, p. 352—363.
- ⁵⁴ Soran. *Invierea* (L. Tolstoi).— «*Dreptatea*», 23.XII 1899, № 1268.
- ⁵⁵ Rodion (Steuer mann). *Reinvierea lui Tolstoi*.— *O*, 15.XII 1899. № 183.
- ⁵⁶ «*Stăpîn și slugă*». Jași, 1895. Ed. lib. frații Șaraga; Buc., 1911, Ed. Lumen. Trad. de Mihail Negru.
- ⁵⁷ «*Moartea lui Ivan Ilici*». Trad. Z. D. Ianculescu.— «*Munca literară și științifică*», 1905, № 12, p. 914—928; «*Vestitorul*», 13.XI 1908, № 1; 23.IV 1909, № 21.
- ⁵⁸ «*Cornei Vasileff*».— «*Revista idealistă*», 1906, V, p. 140. Этот рассказ, как и рассказы «Божеское и человеческое» и «За что?» в переводе Паула Ионеску, вошли в сб. «*Revoluționarii*». Buc., 1909 г. (см. примеч. 9). «Корней Васильев» вышел также в переводе И. Дусчана в одноименном сборнике «*Revoluționarii*» («*B-ca pentru toți*»), появившемся в том же 1909 г.
- ⁵⁹ «*Cintecela din sat*».— *LN*, 16.X 1911, № 8.
- ⁶⁰ «*Cei care trăiesc și cei care mor*». Buc., 1910 (B-ca «*Facla*»). Перевод второй и третьей глав рассказа.
- ⁶¹ «*Amintiri din copilărie*».— «*Lib*», 29.XI 1900—21.I 1901, № 218—258; Отрывки из «Детства» печатались также в журнале «*Pagini alese*», 1902; *GT*, 1908; кроме того, на румынский язык переводились «Воспоминания» и «Первые воспоминания» (*UL*, 1910; *U*, 1910).
- ⁶² «*Un desmoștenit al soartei și Romanul unui cal*». Buc., 1907 (B-ca Universală).
- ⁶³ «*Amintiri din Sevastopol*». Buc., 1909 (B-ca «*Minervei*»). 3 vol. Trad. N. Cadioschi.
- ⁶⁴ «*Stegarul, povestea unui voluntar*».— «*Munca științifică și literară*», 1904, № 1, 16.X, p. 73—80. Впервые на румынском языке под названием «*Port-drapelul*» рассказ был напечатан в «*Mugurul*», 1888, № 3, 1.XII, p. 36—39; 1889, № 4, 1.I, p. 60—64, № 5, 1.II, p. 75—80; *S*, 13.VIII—2.IX 1910, № 3254—3271.
- ⁶⁵ «*Cazacii*». Buc., 1912—1913, 2 vol. (B-ca «*Minervei*»). Trad. de Ernest Ene.
- ⁶⁶ Повесть получила в Румынии очень широкое распространение, неоднократно печаталась в периодической печати и выходила отдельными изданиями. Приводим основной перечень этих публикаций. «*Fericire casnică*».— *T*, 8.XI—3.XII 1888, № 254—274; «*Romanul căsătoriei*».— «*București*», 16.VII—22.IX 1892, № 720—763; под тем же названием — *R*, 31.X—6—7.XII 1897; «*Un vis de fericire*».— *E*, 2—31. XII 1897 — 1—13. I 1898, № 626—659; «*Romanul căsătoriei*».— «*Literatură și știință populară*», 1902, № 1, XII, p.1—87; «*Un vis de fericire*».— «*Munca literară și științifică*», 1906, № 11, p. 812—837; «*Romanul căsătoriei*». Piatra-Neamț, 1904 (Colecția M. și C. D. Gheorgiu); «*Un vis de fericire*». Piatra-Neamț, 1906 (Colecția M. și C. D. Gheorgiu); «*Romanul căsătoriei*». Buc., 1908 (B-ca pentru toți). Trad. de B. Marian; «*Un vis de fericire*».—*S*, 30.IV—11.VII 1910, № 3173—3229.
- ⁶⁷ «*Război și pace*».— *T*, 23.IV 1911, № 81; 26.II—16.III 1912, № 46; «*Război și pace, roman istoric*». Arad, 1911, 2 vol. Trad. de Adrian C. Corbul.
- ⁶⁸ I. «*Război și pace*». Buc., 1918; II. «*Napoleon și Alexandru*». Buc., 1918. Trad. de G. B. Rares.
- ⁶⁹ «*Anna Karenina*». Buc., 1912. Ed. «*Rampa*». Trad. de Eugen Dirzeu.
- ⁷⁰ «*Succesul romanului „Anna Karenina”*» — *R*, 2.II 1912, № 885.
- ⁷¹ «*După bal*». «*Ce văzui în vis*». — «*Nuvele postume*». Buc., 1911. Trad. de B. Nemețanu; — *UL*, 1911, № 49, 5.XII, p. 3—4. Перевод Виржинии Велеску.
- ⁷² «*Tata Sergiu*».— *UL*, 1912, № 22—28, 28.V—9.VII.
- ⁷³ «*Ce văzui în vis*».— В сб. «*Nuvele postume*» (см. примеч. 71) и под названием «*Suflet de părinte*».— «*Drapelul*» (Lugo), 29.V—5.VI 1912, № 61—64. Перевод Д. Германа.
- ⁷⁴ «*Din greseală*». — *U*, 9.IV 1911, № 97.
- ⁷⁵ «*Duscian J. Opera postumă lui Tolstoi. Cadavrul viu*».— NRR, 1911, № 22, 9.XI, p. 322—326. «*Cadavrul viu*».— *O*, 24—25. III 1912, № 1551—1552.
- ⁷⁶ «*Asupra Artei*».— *Lib*, 22.IV 1907, № 46; «*Ce este arta*».— *Lib*, 18.VII—2.XI 1908, № 110—170; под тем же названием *L*, 7—25.XI 1910, № 196—208.
- ⁷⁷ «*Sclavia modernă*». Pitești, 1905.
- ⁷⁸ «*Păcat mare*». Buc., 1908. Trad. de Luca Brînză (с русск.).
- ⁷⁹ «*Rușinea*». Buc., 1911. Trad. de Luca Brînză (с русск.).
- ⁸⁰ «*Pentru ce întrebuițează oamenii excitante*».— *Lib*, 4.IV—23.V 1904, № 27—64.
- ⁸¹ «*Desmeticiți—vâl*». 1904. Buc., Trad. de Alexandrescu-Dorna.
- ⁸² См. примеч. 7.

- ⁸³ «O Brosură interesantă». — «Democrația Socială». (Ploiești), 5.IV 1892, № 14.
- ⁸⁴ O. C a r p. Anna Karenina a lui Leon Tolstoi. — «Drepturile omului», 3.X 1888, № 19.
- ⁸⁵ D. Z a m f i r e s c u. Leon Tolstoi. — *CL*, 1892, № 4—7, VIII—XI, p. 273—287, 358—370, 433—448, 557—569.
- ⁸⁶ O н ж е. Leon Tolstoi. — *CL*, 1908, № 8, VIII, p. 113—115; «Ungaria», 14.IX 1908, № 197.
- ⁸⁷ G. D o b r o g e a n u - G h e r e a. Înfrîurirea traducerilor. — *LN*, 28.XI 1894, № 25. Об этом подробнее см. нашу статью «Толстой и литературная борьба в Румынии в конце XIX и начале XX века». Сб. «Румыно-русские литературные связи». М., «Наука», 1964.
- ⁸⁸ O н ж е. Critica criticeii; Artiștii cetățeni; O problema literară. — *C*, 1887, № 3, Octombrie, p. 260—284; «Literatură și știință», 1894, № 2, p. 1—26; *LN*, 6.III 1895, № 115.
- ⁸⁹ O н ж е. Tăranul în literatură. — «Gazeta Săteanului» (Rîmnicul — Sărat), 20.XII 1897, № 22—23; 20.I 1898, № 24.
- ⁹⁰ O н ж е. Artiștii proletari culti. Studii, v. III. Buc., 1897, p. 114—115. Впервые статья была напечатана в «Literatură și știință», 1894, № 2, p. 1—26.
- ⁹¹ S t e f a n P e t i c ă. Leon Tolstoi. — *LN*, 6.IX 1898, № 1289.
- ⁹² A. C o s t i n. Tolstoi. — *RM*, 4.IX 1908, № 32.
- ⁹³ D i k. Mortea lui Lev Nicolaevici Tolstoi. — *RM*, 11.XI 1910, № 71.
- ⁹⁴ J. N i c o l a e v i c i. Tolstoi. — «Calendarul Muncii», 1912, p. 93—98.
- ⁹⁵ G. I b r ă i l e a n u. Tolstoi. — *VR*, 1910, № 11, p. 291—298.
- ⁹⁶ Цит. по: G. C. N i c o l e s c u. Cezar Petrescu. — «Revista Universității». C. J. — Parhon. Seria științelor sociale, 1955, № 2—3, p. 74.
- ⁹⁷ A. V l a h u ț ă. Rătăcirea păstorilor. — *U*, 16.XI 1910, № 315.
- ⁹⁸ N. F i l i p e s c u. Curentul idealist. — *E*, 10—16. IX 1897, № 555—560.
- ⁹⁹ I. F o t i. In Jurul morții lui Lev Nicolaevici Tolstoi. — *V*, 10.XI 1910, № 1045; G. G i u r g e a. Lev Tolstoi. — *V*, 11.XI 1910, № 1046. Литературовед Михаил Драгомиреску писал, что Толстой «не равен ни Данте, ни Шекспиру, ни Гете, ни Сервантесу, ни даже Ибсену». По его словам, и «Войну и мир» — «самое величайшее из сочинений Толстого» тоже «нельзя считать произведением искусства, а всего лишь неиссякаемым материалом для писателей последующих поколений», которые будут в большей степени художники, чем он». Mihail Dragomirescu. — «Convorbiri critice», 1908, № 14, 15.VII—1.IX, p. 545—551.
- ¹⁰⁰ В. И. Л е н и н. Толстой и пролетарская борьба. — Полн. собр. соч., т. 20, стр. 71.
- ¹⁰¹ «Ana Karenina». Buc., Ed. «Socec», 1928, 2 vol. Trad. de Ana Maria G. Bottez; Buc., Ed. «Giornei», 1928, Trad. de Ion Pas și Sarina Casvan; Buc., Ed. «Cultura românească», 1931, 2 vol. Trad. de G. B. Rareș.
- ¹⁰² «Invierea». Buc., Ed. «Socec», 1927. Trad. de G. B. Rareș; Buc., 1934, Ed. «Cultura românească».
- ¹⁰³ «Sonata Kreutzer. Diavolul. Părintele Sergiu. Buc., Ed. «Socec», 1924. Trad. de G. B. Rareș; «Sonata Kreutzer. Cuvînt introductiv de Eugen Lovinescu». Buc., Ed. «Ancora», 1928. Trad. de G. B. Rareș; Buc., Ed. «Colos», 1937. Trad. de Vlad. Ionescu.
- ¹⁰⁴ «Stăpin și slugă și alte povestiri». Buc., Ed. «Cultura românească», 1928. Trad. de G. B. Rareș; «Stăpin și slugă». Buc., Ed. «Colos. 1940. Trad. de Th. Constant в сб., включающем также рассказы Толстого «После бала» и «Тихон и Маланья».
- ¹⁰⁵ В 1929 г. вышло переиздание перевода Б. Мариана, 1908 г. (см. примеч. 66); «Fericirea casnică». Buc., Ed. «Cultura românească», 1934. Trad. de G. B. Rareș.
- ¹⁰⁶ «Cu ce trăiesc oamenii». Mănăstirea Neamt, 1925. Trad. de Nicodim (с русского); «Doi bătrini». Buc. (B-ca de publicatii religioase și morale), 1925. Trad. preotul Panait G. Bedreăg.
- ¹⁰⁷ «Hagi Murat». Buc., 1920. Trad. de G. B. Rareș.
- ¹⁰⁸ «Pe căi gresite». Buc. (B-ca scriitorilor iluștri), 1919. Trad. de J. S. Cornățeanu.
- ¹⁰⁹ «Diavolul в сб. «Sonata Kreutzer...» (см. примеч. 103).
- ¹¹⁰ «Doi husari. Asediul Sevastopolului. Moartea lui Aleanin». Buc., Ed. «Socec», 1928. Trad. de G. B. Rareș și Clara Lievsnevski.
- ¹¹¹ «Idila rustică» в сб. «Stăpin și slugă și alte povestiri». Buc. Ed. «Cultura românească», 1928, trad. G. B. Rareș.
- ¹¹² «Puterea Intunericului». — *CL*, 1921, № 8—12, p. 637—643, 750—765, 827—836; 1922, № 1—3, p. 535—567, 635—647, 827—836. Перевод Л. Фотино и Д. Науму.
- ¹¹³ «Cadavrul viu». Buc., Ed. Cultura Natională, 1922. Trad. de Gr. Avakian și P. Florescu.
- ¹¹⁴ «Un program». — *R*, 20.V 1921, № 1068.
- ¹¹⁵ «Teatrul rusesc la noi». — *R*, 9.II 1922, № 1284.
- ¹¹⁶ Alex. C ă l i n. Cronica teatrală. «Puterea Intunericului». — *R*, 5.III 1922, № 1305; Ion D a c u. Cronica dramatică. «Puterea Intunericului». — «Flacăra», 1922, № 14, 11.III, p. 221—222

- ¹¹⁷ Camil Petrescu. «Puterea Intunerului»—«Cetatea literară» 1926, №5—6, p. 40.
- ¹¹⁸ Alex. Călin. «Cadavrul viu».— *R*, 11.II 1923, № 1586.
- ¹¹⁹ «In jurul dramei „Cadavrul viu“. O convorbire cu Ion Manolescu».— *R*, 7.II 1923, № 1583.
- ¹²⁰ «Patria», 21.X 1926, № 231.
- ¹²¹ «Ideea tolstoiană în lupta binelui cu răul și către adevăr», 1928, №1, VI. Журнал закончил свое существование на этом первом номере.
- ¹²² «Centenarul lui Tolstoi».— *F*, 1928, № 7—8, p. 11—12.
- ¹²³ «L. Tolstoi și Lenin».— *F*, 1928, № 9—10, p. 3.
- ¹²⁴ «Cei doi Tolstoi».— *F*, 1928, № 9—10, p. 3.
- ¹²⁵ «Note pe marginea literaturii tolstoiene».— «Ordinea», 20.VII 1929, № 182.
- ¹²⁶ «Clopotul», 25.VIII 1933, № 9.
- ¹²⁷ «Cuvinte înțelepte».— «Femeia muncitoare», 11.III 1932, № 10—11, p. 1, специальный номер, посвященный борьбе за мир.
- ¹²⁸ «Tolstoi și timpul său».— «Înainte», 21.X 1928, № 5.
- ¹²⁹ «Cuvîntul liber», 1935, № 1, 9.XI, p. 1. Среди материалов, помещенных в номере, заслуживает также внимания статья публициста Георге Дину. G h. D i n u. Două generații de scriitori («Два поколения писателей»).
- ¹³⁰ V a s i l e C h r i s t u. Lev Tolstoi și clasa muncitoare.— «Șantier», 1935, № 12, 1.XII, p. 5.
- ¹³¹ «Adevărul literar și artistic», 1928, № 405, 9.IX, p. 1.
- ¹³² I. R. Recenzii. Rascolnicov. Lenin despre Tolstoi. Ibid., 1928, № 414, 11.XI, p. 7.
- ¹³³ «Maxim Gorki povestește amintiri despre Lenin. Lenin despre Tolstoi».— *R*, 6.V 1934, № 4892.
- ¹³⁴ P. P a n d r e a. Tolstoi și revoluția rusă. *VR*, 1934, № 13—14, p. 15—27.
- ¹³⁵ G. I b r â i l e a n u. Studii literare. Buc., Ed. «Cartea românească», 1930, p. 69.
- ¹³⁶ «Scînteia», 26.X 1945, № 362.
- ¹³⁷ «Mortea lui Ivan Ilici». Buc., Cartea rusă (далее сокращенно: C. r.), 1946. Trad. de Ion Biberi și Mihail Calmîc; «Lev Tolstoi. Moartea lui Ivan Ilici».— «România liberă», 29.V 1946, № 550.
- ¹³⁸ Povestiri pentru copii. Buc., Ed. de Stat, 1946. Trad. de A. Toma.
- ¹³⁹ «Război și pace». Sub îngrijirea literară a lui Al. Philippide. Trad. de N. Pa-rorescu. Buc., C. r., 1947—1948; «Război și pace». Trad. de I. Frunzetti și N. Pa-rorescu. Buc., C. r., 1954—1955.
- ¹⁴⁰ «Învierea» în rom. de Lucia Demetrius și Elena Culacov, Buc., «Europolis», 1947, 1951. В новых переводах появляется в 1959, 1960, 1964 гг.
- ¹⁴¹ «Hagi Murad». Trad. din lb. rusă de Ion Biberi și Mihail Calmîc. Buc., C. r., 1947.
- ¹⁴² «Prizonierul din Caucaz». Trad. Radu Boureanu. Buc., «Forum», 1948.
- ¹⁴³ B c6. «Povestiri din Campanie». Trad. din lb. rusă de Lucia Demetrius și Elena Culacov. Buc., 1949.
- ¹⁴⁴ «Ana Karenina», în rom. de M. Sevastos și R. Donici. Buc., Ed. de Stat, 1950.
- ¹⁴⁵ C e z a r P e t r e s c u. Ana Karenina o capodoperă a marelui Tolstoi.— «Scînteia Tineretului», 25.X 1953, № 1403.
- ¹⁴⁶ «Cazacii». Trad. din lb. rusă acad. S. Sanielevici. Buc., C. r., 1950.
- ¹⁴⁷ «Bancnota falsă». Trad. din lb. rusă Gh. Nicolau, Buc., C. r., 1951. «Sonata Kreutzer». Trad. din lb. rusă de Gh. Nicolau, Buc., C. r., 1951.
- ¹⁴⁸ «După bal» din lb. rusă de A. Philippide. Buc., C. r., 1953.
- ¹⁴⁹ B c6. «Povestiri. Trad. de Valeria Sadoveanu și acad. prof. S. Sanielevici. Pref. de M. Sadoveanu». Buc., «ESPLA», 1953. Саниелевичу принадлежит в сборнике перевод «Казаков».
- ¹⁵⁰ «Teatru». Pref. de Camil Petrescu. Buc., «ESPLA», 1953. Переводы А. Кирицеску, А. Пьетрару и Т. Гане.
- ¹⁵¹ C e z a r P e t r e s c u. Editia operelor lui Lev Tolstoi în românește. — *C*, 1954, № 1, 1.I, p. 2.
- ¹⁵² V. B i r l ă d e a n u. Lenin despre literatură.— «Scînteia», 4.V 1948, N 1114.
- ¹⁵³ Mihail S a d o v e a n u. Evocări. Buc., «ESPLA», 1954, p. 231—232.
- ¹⁵⁴ Gala G a l a c t i o n. Oameni și gânduri din veacul meu. Buc., «ESPLA», 1955, p. 211.
- ¹⁵⁵ C e z a r P e t r e s c u. Un titan al literaturii universale.— «Scînteia Tineretului», 9.IX 1953, № 1363.
- ¹⁵⁶ Ibid.
- ¹⁵⁷ C ă l i n e s c u. Studii și conferințe. Buc., «ESPLA», 1956, p. 212.
- ¹⁵⁸ T. V i a n u. Literatură universală și literatură națională, Buc., «ESPLA», 1956, p. 89.
- ¹⁵⁹ Ibid., p. 91, 116.

* * *

В заключение следует упомянуть о литературе, связанной с пребыванием Толстого в Румынии. Этот частный вопрос получил широкое освещение в румынской прессе. Ко времени посещения Румынии (март — август 1854 г.) Толстой не пользовался еще известностью за рубежом, и его приезд не нашел непосредственного отражения в современной печати. Отклики появляются значительно позднее, в годы установившейся европейской и мировой славы писателя. Но в дальнейшем, вплоть до наших дней, румынская печать не перестает возвращаться к этой теме, останавливаясь прежде всего на впечатлениях Толстого о стране и румынском народе.

Приводим краткий перечень статей, посвященных пребыванию Толстого в Румынии:

«Tolstoi în București» («Толстой в Бухаресте») — *E*, 4.X 1906, № 242; «Scrisori din București» («Бухарестские письма») — *T*, 1910, № 248. *A r m a n d.* Tolstoi în Iași și București (Толстой в Яссах и Бухаресте).— «Printre hotare», 1910, № 5, VII, p. 52—53; *D r I. D u s c i a n.* Scrisorile lui Tolstoi din România (Письма Толстого из Румынии).—*O*, 17. VII 1911, № 1353; *N. T o l u.* Tolstoi în România (Толстой в Румынии).— *V R*, 1928, № 1, I, p. 105—114; *Scarlat C a l l i m a c h i.* Tolstoi în București («Толстой в Бухаресте»).— «Cuvîntul liber», 1935, № 1, 9.XI, p. 5; *V. K e r n b a c h.* Lev Tolstoi călător în România («Лев Толстой, путешествующий по Румынии»).— «Veac nou», 27.I 1956, № 4; *Tatiana N i c o l e s c u.* Tolstoi în București («Толстой в Бухаресте»).— «Veac nou», 11.IX 1958, № 682. Подробнее см. в нашей книге: *Tatiana N i c o l e s c u.* Tolstoi și literatura română. Buc. Ed. pentru literatură, 1963.